

ДЕЛО

СОЛЖЕНИЦЫНА

I

ДЕЛО

СОЛЖЕНИЦЫНА

I

II ИЗДАНИЕ

Editions de la Seine

Paris

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В СССР и за рубежом А. И. Солженицын с правом считается самым выдающимся современным русским писателем и одним из наиболее талантливых прозаиков нашего столетия. Несмотря на это, только несколько небольших произведений Солженицына были опубликованы в СССР, а сам Солженицын был в ноябре 1969 года исключен из Союза советских писателей.

В этом сборнике помещены наиболее интересные материалы полученные из СССР, имеющие прямое отношение к «Делу Солженицына», а косвенно касающиеся положения всей творческой интеллигенции в Советском Союзе. Многочисленные рецензии, статьи и книги о творчестве Солженицына, принадлежащие перу иностранных и зарубежных русских литераторов, будут указаны в последующих сборниках и библиографических очерках.

*А. И. Солженицыну, Лауреату
Нобелевской Премии 1970.*

**ОБСУЖДЕНИЕ РУКОПИСИ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА « РАКОВЫЙ КОРПУС »
НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО СЕКЦИИ ПРОЗЫ С
АКТИВОМ 17 НОЯБРЯ 1966 ГОДА**

Г. Березко. Я очень рад, что на наше заседание, обычно не столь многолюдное, пришло сегодня так много народу. Мы обсуждали рукописи и в прошлом. Я и мои товарищи считаем это одной из самых важных форм работы. Такое, необходимое для литературы обсуждение рукописи, чаще всего возникает, когда есть дискуссия между писателем и издателем. Иногда наше вмешательство бывает действенным.

Писатель по характеру своей работы обречен на одиночество. В процессе работы возникает естественное желание посоветоваться с товарищами по ремеслу, — или по искусству — это кто как считает.

К нам обратился с просьбой писатель А. Солженицын, — я попросил бы Вас сюда, в президиум (Солженицын садится за стол).

Мне очень приятно, что наша первая встреча с талантливым произведением происходит на деловой почве.

Это рабочее обсуждение незаконченного романа.

Надеюсь, что оно будет плодотворным. (Обращаясь к Солженицыну) — Вы не хотите что либо сказать ?

— Нет.

А. Борщаговский. Я начну с читательского признания. Готовясь к сегодняшнему обсуждению, я добыл экземпляр рукописи, думая, что бегло пролистаю ее, — я читал рукопись совсем недавно, — но это не получилось. Я жадно, насквозь, ничего не пропуская, снова прочитал « Раковый корпус ». Говорю это, конечно, не к собственной доблести. Думаю, что взяв в руки книгу, когда она выйдет, — а я уверен, что она выйдет, — я снова всю ее прочитаю.

Книга написана на труднейшем материале, на труднейшем сечении жизни, она входит в тебя не сразу. Можно сказать, что трудно обсуждать незаконченную книгу. И это не просто формальный момент. Есть вещи, над которыми думай, не думай сам все равно не решишь. Нельзя ответить на простейшие читательские вопросы о судьбах действующих лиц, нельзя игнорировать эти вопросы. Полный ответ на все эти вопросы даст вторая книга. Но и сейчас то, что есть в первой части, настолько значительно, весомо, радостно по моему восприятию, так необходимо, — что вряд ли мы скоро дождемся произведения столь нужного.

Солженицын выбирает самый необходимый разрез жизни, — в этом помогает выдающийся характер его дарования, — без Вас А. И., эти слова говорить было бы легче, — « Раковый корпус », — вещь глубины « Смерти Ивана Ильича »; если брать ее сатирические пласты, — уровня « Господ Головлевых ».

Наша литература идет к новому уровню по краям, по обочинам, в новых произведениях Белова, Можаяева, — происходит бесконечно важное вглядывание в человека, человека, как он есть, а не такого, каким его можно сконструировать.

Все это мы находим в «Раковом корпусе». Вспомните, как мы бесконечно бились с проблемой положительного героя, она стала прямо каким-то проклятьем. А книги, о которых я говорю, — книги о положительных героях. Кто такой Ефрем? Не очень-то красиво прожил он свою жизнь. Но пусть поздно, пусть за три дня до окончания жизни, он задумался над тем, над чем человеку полагается задумываться раньше. Именно писатели должны толкать людей к этим мыслям. Как и других героев Солженицына, Ефрема я вижу. Я чувствую тяжесть его шагов по палате. Он мне преподает важный нравственный урок: если он в состоянии задуматься над смыслом жизни, когда вроде только и остается что зверем завывать и возненавидеть всех, кто остается в живых, — значит это человек.

Палата, в которой происходит действие, поворачивается по разному. Когда она показана глазами Русанова, — перед нами быдло, нацмены, запах гноя, ужас. Но все другие, — как прекрасно они видят друг друга. Перед читателем возникает характер людей, созданных, воспитанных нашим обществом. Они не прокламируют дружбу народов. Но в них — истинная дружба, и мир глубокой деликатности, свойственной именно человеку из народа, не деликатности воспитанной потому что «так принято», а истинной. В палате люди, приговоренные к смерти не злобствующим автором, а жизнью. Я вижу этих людей в стремлении понять

друг друга, в изначальных мерах. И в этом — нравственная высота книги.

Экземпляр рукописи, который был у меня, прочитало немало писателей. Он испещрен чьими-то пометками чисто цензорского характера. Если отвлечься от многоструйного течения жизни, то выхваченные из контекста фразы могут «насторожить». Особенно некоторые слова Костоглотова. Он раздражен, он не может иначе, он имеет на это право, — но я в нем вижу многие прекрасные черты моего современника. У меня, как и у каждого, есть свой внутренний список любимых героев, — и они теперь должны посторониться, дать место Костоглотову.

Все мы знаем, что цензура существует, ей приходит свой черед. Но мне вдруг показалось, что если бы цензорами стали мы, писатели, то всем нам было бы гораздо хуже. Даже школьники не получили бы многих книг, которые давно уже стали классикой.

Я спорю с невидимым противником, ибо будучи прирожденным полемистом, я, в положении первого выступающего, выброшен как рыба на лед.

Время романа точно обозначено, — февраль 1955 года, канун очистительной грозы прекрасно-го партийного форума XX партсъезда, которому весь коммунистический мир верен, и будет верен.

Русанов не представляется мне абсолютной удачей книги. Прямая гражданская ненависть столь велика, — и она вполне понятна, — что лишила художника Солженицына тех оттенков, тех толстовских подходов, при которых Русанов был бы живым, не публицистическим, не карикатурным.

Мне не пришлось по душе и все, что связано

с литературной жизнью. Дело, конечно, не в том, что я как литератор защищаю литературу, — просто в «Раковом корпусе» идет фельетонный, порядком набивший оскомину разговор. Книги названы случайные. Дема, великолепно показанный живой мальчик, — я не очень верю, что он набрел на статью об искренности, что он затеял дискуссию об этой статье. Это от лукавого.

На мой личный вкус есть и натуралистические излишества. Я не против того, чтобы зримый мир опухолей наступил бы на человека. Но такие фразы как (цитирует слова Донцовой) — отрезанные груди составили бы гору, — такие фразы на мой вкус излишни.

Почему фигура Русанова так нужна? Ведь все сказано о таких как он в партийных документах? Так могут думать только прямолинейные люди. Александр Исаевич не зря возвращается к нему. Литература все равно должна такими заняться, — хоть сейчас, хоть через пятнадцать лет. Потому что необходимо воспитать ненависть к русановым. Поразительна в этом смысле глава сна, казнь, которая постигает Русанова во сне. Воспитать ненависть необходимо во имя борьбы с живыми остатками русановщины. И здесь большой гражданский успех книги.

«Раковый корпус», — выдающееся произведение, которое, конечно же, увидит печатный станок, вносит много нового в наше понимание жизни. И приближает нас к тем рубежам, без которых наше общество не может дальше развиваться.

В. Каверин. Когда работаешь в литературе много лет, начинаешь видеть ее не глазами месяца, даже года, а глазами 10, 15, даже 25 лет. Мы

незаметно для себя вступили в новый период. Произошло это неощутимо. Мне вспоминается такой эпизод: шли мы с Ю. Тыняновым, мимо проехал грузовик, я посторонился. «Стоит ли, — сказал Тынянов, — пыль как время, даже еще и не замечая, уже живешь им».

Вся деятельность Солженицына характерна для нового времени. Пришла новая литература, — и со старой, рептильной, ползающей, с литературой, признающей только прямую линию, — с нею покончено. Кто теперь помнит о книгах, изданных в миллионах экземпляров, книгах лживых, восхваляющих Сталина прямо или косвенно?

Покончено с позорящим нашу страну пугалом Лысенко. Я много лет был связан с миром науки и я знаю, что это значит. Издаются и имеют успех у читателей те писатели, которые устояли, которые сопротивлялись лжи, — Платонов, Зощенко, Бабель, Булгаков, Заболоцкий. В литературу возвращаются блеск, оригинальность. Эта литература будет иметь мировой успех, если этому не помешают.

Что ни месяц появляются новые имена, новые произведения, вызывающие удивление, радость, зависть. Я назову нескольких, — Казаков, Конечкий, Семин, Можаяев. На первое место среди них я ставлю Солженицына. В чем сила его таланта? Не только в умении воплотить пережитое, — хотя в этом он и достигает необыкновенных высот. Мне как-то уже приходилось говорить о поразительной гармонии «Одного дня Ивана Денисовича». Есть у него еще две драгоценных черты — внутренняя свобода и могучее стремление к правде. Что такое внутренняя свобода? Ведь мы, писатели старшего поколения, много лет скрывали себя от самих себя,

путались в противоречиях, — это было естественным следствием сталинского двадцатилетия. Солженицын и лучшие в новой литературе свободны от всего этого. Они отрешились от любой целенаправленности кроме желания сказать правду.

Пастернак писал Табидзе: «... революция растворена нами более крепко и разительно, чем Вы можете нацедить ее из дискуссионного крана. Не обращайтесь к общественной благотворительности, надейтесь только на себя! Забирайте глубже земляным буравом без страха и пощады, но в себя, в себя. И если Вы там не найдете народа, земли и неба, то бросьте поиски, тогда негде и искать».

Увидеть в себе народ, вольно или невольно найти отражение его надежд, радостей и страданий, — вот задача писателя. Наивно представлять себе, что все, что происходило с двухсотмиллионным, великим народом можно забыть по чьему-то указанию. И система сдерживаний тут ни к чему не приведет.

Солженицын очень большой писатель. От него самого зависит станет ли он великим писателем. Все знают, что у нас существует машинописная литература, которая ходит по рукам. Среди этой литературы есть превосходные произведения, например, первоклассный рассказ Солженицына «Правая кисть».

Почему мы сейчас обсуждаем рукопись, а не книгу? Почему до сих пор не издан роман Бека «Новое назначение»? Лучшие, самые опытные литераторы высказались за издание книги Бека. На другой чаше весов было мнение какой-то дамы. И мнение дамы перевесило. И в промышленности и в науке уже прислушиваются к мнению специалистов, в литературе — нет.

Какова идея еще незаконченной книги «Раковый корпус»? Поставить людей разных профессий, разного уровня образования, разной степени нравственной тонкости лицом к лицу со смертью. Это задача огромная, — бóльшая, чем в «Смерти Ивана Ильича». У меня большие надежды, что эта задача будет решена автором. Он совершает умный психологический разрез, и люди познают неведомые им самим глубины. Это не может не затронуть. Все мы окажемся перед лицом смерти. Характеры не только написаны, но и устремлены к самопознанию. Глубоко задуман Ефрем. Костоготовым движет не только воля к жизни, но и не боязнь смерти. Это мысль великая и глубоко конструктивная. Не боязнь смерти стала залогом нашей победы в войне. Не боязнь смерти стала залогом сохранения науки и искусства в условиях террора и лагерей.

Автор производит вивисекцию Русанову, — в точном патолого-анатомическом смысле слова и обнаруживается страшная пустота. Я согласен с Александром Михайловичем, возможно Русанов слишком прямолинеен. Автор скальпелем вскрывает его страх. Русанов — сильное воплощение мертвого идола сталинизма. Интересен Вадим, супруги Кадмины, — хотя здесь немного затянуто. (Березко: — «а по моему мало о них, об этих прекрасных людях»). Не случайно в конце ощущение шагов истории. Как и всеми нами, Костоготовым движет не злоба, не ненависть, а надежда.

Трудно судить о неоконченном произведении, но и сейчас можно сказать, что это книга огромной совести, которая всегда воодушевляла русскую литературу. Сюжета в собственном смысле слова

нет, ничего не происходит, а как держит читателя! Почему до сих пор не напечатана эта рукопись? Найдутся ли нравственные уроды, которые будут защищать русановский террор? Неужели не ясно, что здесь, — свобода, добро, надежда, — все то, на чем была замешана наша революция, те понятия, которые были искажены русановыми?

Новая литература представляет собою мост между двадцатыми и шестидесятыми годами. Все попытки замолчать Солженицына обречены на провал. Он не может писать иначе, чем пишет.

И. Винниченко. Начну с предисловия, — я испытываю смущение, потому что я не готовился к выступлению. Я просто прочитал рукопись. Я не критик, не романист. Но прочитал я вздохнул и меня настолько это взволновало, что я считаю своим долгом высказаться. Я не согласен с Каверинным, — нам представляется счастливый случай, ведь обсуждая рукопись мы можем прикоснуться к самому творческому процессу. Здесь много говорили о силе таланта Солженицына. Не думаю, что его надо называть великим, — это не на пользу. Но несомненно он выдающийся писатель. Я слышал выражение «врать правду». Он писатель, который органически не может врать правду. Начну с художественных достоинств. Солженицын несколько отошел от своего первоначального стиля. Первые его произведения были перенасыщены диалектизмами.

Говорят, что в рукописи есть натуралистические подробности, есть рассуждения о тяжелом состоянии онкологии. Но и в этом отношении нам не следует бояться правды. Но, может быть, автору все же следует учесть возможную болезненную реакцию читателей.

Я не согласен с теми, кто считает, что в рукописи есть пессимизм, неверие в науку. Еще высказываются сомнения, — ведь в « Раковом корпусе » — пресловутая лагерная тема. Сначала стали писать о лагерях, а потом появилось мнение, — а нет ли пережлеста ? Стоит ли это продолжать ? Но ведь в данном случае перед нами настоящее художественное произведение, вскрывающее раковую опухоль нашего общества.

Вот что мне кажется нездоровым: вскрывая пороки, присущие культу личности, мы обращали внимание прежде всего на крайности, — например, лагеря, но очень мало внимания обращали на огромный ущерб экономике, нравственности. И здесь автор прав, — мы потерпели большой нравственный ущерб.

Мне не понравился образ Капы, она однолинейна, не ясно почему она в курсе доносов мужа ? Совершенно неестественно и что дочь об этом знает и даже успокаивает отца. Рассуждения о литературе, вложенные в уста Авиетты производят странное впечатление. Этот образ не удался. Трудно судить по первой части. Хотелось бы, чтобы автор рассказал нам сегодня, как он собирается строить вторую часть.

Н. Асанов. С моей точки зрения наше ощущение идеала, которое мы воспитывали в себе сорок лет, давало бы право каждому писателю публиковать свои произведения и без таких обсуждений. Каждый из нас способен быть для себя редактором. И только странное недоверие к нашему клану заставляет нас собираться здесь в таком количестве и обсуждать произведение, которое выше большинства написанных нами книг. Надо восставать против такого положения, — восста-

вать, конечно, не в большом, а в малом плане, надо защищать то, что нуждается в защите.

Мне не очень понравилась панегирическая часть выступления А. Борщаговского, но ведь потом и он сам встал на позиции редактора, подсказчика, советчика. Нам не доверяют, нам все пытаются помогать, даже цензоры.

Произведение А. Солженицына очень опасно, чревато. Вот Винниченко здесь обмолвился о раковой опухоли, — это же невольно, сразу сближается, раковая опухоль, неизлечимость рака не только у одного человека. А если вдруг речь идет и об обществе? Мы, конечно, надеемся, что наше общество излечится. Но это опаснее, чем какие-то отмеченные красным карандашом отдельные фразы. Речь ведь идет о том, чтобы книга с нашей помощью вошла бы в жизнь. А вдруг автор и примет что-то из того, что сейчас вызывает наше неудобство.

Что в книге наиболее сильно и вместе с тем наиболее тягостно читать? День доктора Донцовой. Чувство приближающегося к ней самой рака. Она заведует отделом, она прекрасный врач, а жизнь ее за пределами больницы нищенская, ужасная. И это правда. Положение с интеллигенцией в нашей стране тягостно; инженеры, врачи мало зарабатывают, отвечают за все, кроме, разве что управления государством (смех в зале). Как подумаешь об этом, — ком становится в горле. Я не говорю, что это надо переписывать.

Очень сильны все сцены, связанные с Костоготовым. Образ Русанова слабее. Не нужно, чтобы и жена и Авиетта знали о его доносах. Хорошо о реабилитированных, — они же действительно

ничего ни с кого не требуют, это и я могу сказать по собственному опыту.

Литературные реминисценции в повести не стоят выеденного яйца, они ослабляют вещь. Повидимому, врач Гангарт будет играть главную роль в жизни Костоглотова, не надо и сравнивать ее с Зоей, а то у читателя ощущение неловкости за Костоглотова. Нужно ли было Ефрема Поддуваева делать с первых же страниц столь беспощадно грубым ?

Не думаю, что можно кончать этим литературным спором между Демой и Авиеттой. Это не обогащает Вашу прекрасную вещь, — это я говорю не как цензор, а как товарищ по профессии.

Если уж автор задумал показать смерть 26 человек, то надо внести в поле зрения мир, окружающий раковый корпус. А то есть только литературные ссылки. Сколько сил и жизни отдает больным Донцова, как интересна мать Вадима, разыскивающая лекарство для сына, — сколько упущено возможностей. Вы сами обеднили себя тем, что слишком ограничили действие в пределах палаты. Тем самым подчеркивается второе значение заглавия, а я надеюсь, что ваш раковый корпус окружен здоровой землей. Очень хочется, чтоб эта вещь обросла бы плотью нашего общества. Тогда она станет более движущейся к печати работой.

А. Медников. А. Борщаговский сделал наиболее обстоятельный разбор произведения и мы все вольно или невольно движемся по его следам. В « Раковом корпусе » намечена интернациональная тема. В палате много немцев. Я имею к этой теме личное касательство. В начале войны я был бойцом истребительного батальона НКВД. Наряду

с другими было нам дано особое задание, — за одну ночь выселить всех немцев из Москвы. Было очень тяжело. Выселяли всех, — членов партии, женщин, детей. Не знаю, не вхожу в рассуждения была ли нужна такая превентивная мера, но я и тогда думал, как будут дальше жить эти люди? В книге Солженицына я их увидел, увидел Федеру, Веру Гангарт, — это хорошие, светлые люди. Здесь уже говорили о врачах Кадминых (цитирует). Ни в одном произведении Солженицына не было такого количества чистых, светлых образов. Я тоже думал, — почему называется «Раковый корпус»? Речь идет о переломном времени. Ломается общественная атмосфера. В сущности все, описанное в книге могло бы происходить и на шахте, и на заводе. Автор взял раковую палату, чтобы обнажить драматизм. Я не буду повторяться, — Русанов утрирован. Образ мог бы быть мягче. Мне очень нравится Костоглов, — во все верю. Но фраза Борщаговского, что этот образ «выражает прекрасные черты современника» кажется мне претенциозной. Это образ автобиографический, я удовлетворен тем, что происходит с ним как с человеком. Я о 37 годе знаю не по наслышке, не из литературы, — это все коснулось моей семьи, моей судьбы. Но в самые трудные моменты мы всегда думали более масштабно, думали о политике, о судьбах страны. Мне этого не хватает у Костоглова. У автора есть полная возможность показать его и с этой стороны.

Солженицын — тот, которого читают все писатели. Критики со временем разберутся почему он занял такое место в литературе, в общественной жизни. Он писатель трагической темы. Если бы

его судьба и сложилась иначе, он все равно был бы трагическим писателем. Если бы не родился Солженицын, — сказанное им все равно обязательно было бы сказано кем-то другим.

Л. Славин. Я читал рукопись с карандашом в руках, зная что предстоит обсуждение. В пределах моего вкуса я обнаружил некоторые промахи, — не надо об этом молчать. По мере чтения я начал находить симптомы рака у себя, как студенты медицинских факультетов находят все болезни у себя. Художественная сила автора не в этом, она — в социальном диагнозе, который поставлен очень точно. Через опухоль дан разрез общества. Происходит поединок со смертью. Свойственная автору беспощадная искренность дана на фоне демократичности смерти. Я с волнением ждал — кто-кого? Автор, смерть или наоборот. Найдет ли он то, что преодолевает смерть? Или поддастся? Я не согласен с теми, кто находит Русанова неудачным. Наряду с Донцовой это одна из крупнейших удач. Меня меньше всего удовлетворил Костоготов.

Русанов, — бюрократический середняк, — становится гадом, который губил людей ради собственного благополучия. Такой силы образа еще не было в нашей литературе. И семья его хороша. Образ воздействует с тем большей силой, что автор как бы и добр к нему. Единственный промах, — бредовой сон. Не хватает художественной строгости. Пленительна Донцова. Хорош Вадим, Мита, Дема, особенно разговор Демы с Асей. Сила образности, — огромна, убедительна. Неуклюжая меткость языка — от Лескова, а стиль — от Бунина. Солженицын — резкий, жестокий автор, он принадлежит к линии Достоевского.

О Костоглотове, — не достигает силы выразительности. Речь его очень похожа на авторскую. Он вложил слишком много себя, образ теряет в конкретности. Временами натыкаешься на блестящее щегольство образностью. Например, — воспоминание о симфонии Чайковского. Кое-что очерково. В этом смысле « Матренин двор », « Один день Ивана Денисовича », « Случай на станции Кречетовка » обладают большей цельностью, большей свободой от беллетристики.

В конце, с Авиеттой врывается памфлет, и это сразу переводит вещь на более узкий уровень. Но и сейчас — это одно из самых сильных, самых нужных произведений последних лет, с которым я могу сравнить только « Новое назначение » Бека.

3. Кедрина. Мне представляется, что то, что мы можем здесь разговаривать о произведении далеко не ординарном, не должно восприниматься болезненно. Мы работаем, не надо бояться как бы не сказать чего-либо, что не понравится автору. Ведь перед нами не нервный, начинающий, которого мы боимся травмировать, перед нами безусловно талантливый и зрелый писатель. Мы должны работать доброжелательно, чтобы данный автор развивался наиболее естественно. (Во время выступления Кедринной начинают уходить из зала, председатель призывает дослушать). Мне кажется очень интересным поговорить о почве, о традиции, на которой растет этот интересный автор. Это традиция Толстого. « Раковый корпус » — вещь менее выговоренная, чем другие произведения Солженицына. Это естественно, ведь когда автор проходит спор с редакцией, он и выявляет себя с большей полнотой (громкий смех, люди продолжают уходить, председатель обращается к

залу, — « уважайте президиум ! », указывает на Солженицына. Кедрина продолжает говорить). Что же тут особенного, в этом наша повседневность, ничего неожиданного. Это творческий спор, если конечно автор хороший и редактор хороший.

Верно, что « Раковый корпус » связывают со « Смертью Ивана Ильича ». Это для нас очень актуально, — человек на грани жизни и смерти, — то, что Федин подчеркивал в восприятии Толстого. Наследники не только следуют традиции, они развивают ее. Солженицын преодолевает то, что у Толстого связано с непротивлением злу насилием. Но позиция автора здесь выражена не ясно. Отсюда происходит и противоречивость оценок: вот, видите, одним нравится Костоглотов, другим — нет, одним нравится Русанов, другим — нет. Мы согласны с Костоглотовым в его ненависти к Русанову, не найдется ни одного человека, который будет защищать Русанова (крики из зала: « кроме самих русановых ! »).

Но в Русанове все только названо. Мне сон не понравился. Со времен Чернышевского мы настороженно относимся к снам. Сон — эквивалент того, что невыражено реалистическими средствами. Все дано прямолинейно. Было бы гораздо убедительнее, если бы Русанов с ужасом подумал, что скажут дети о его доносах. Авиетта введена, чтобы характеризовать нашу литературную обстановку не с лучшей стороны. И тут Лев Толстой не при чем как родоначальник традиции. Костоглотов показанный в жажде жизни, очень хорош. Он противостоит Русанову. Но что не удовлетворяет в противопоставлении этих двух характеров ? Только Русанову надо говорить о самых святых для нас вещах. Да, он лишь прикрывается этими сло-

вами. Но в повести кто произносит их всерьез? Кто отражает то, что ведет наше общество вперед? Да, есть атмосфера вещи, есть Донцова, есть Гангарт. Но ведь есть еще и общественный идеал, общественные страсти. Он должен быть отражен. Костоготов отражает жажду жизни вообще, но общественных страстей не выражает.

Сама тема Толстого в книге очень убедительна. Хотелось бы, чтобы Ефрем был дан более ярко. Есть натуралистические детали, есть излишества. Надеюсь, что сам автор это увидит. Но в целом автор не натуралист.

Важна тема молодежи. Ася, Зоя не просто девушки, женщины обездоленные войной. Когда автор заставляет Костоготова почувствовать, что Вера ему ближе, чем Зоя — здесь он подходит к истине. Он ведь создает персонажи не по методу «кап-кап» (в ответ на выкрики из зала объясняет, что один критик ввел этот термин «кап-кап»).

В образе Аси отражена скорее сегодняшняя молодежь, — во время войны не так уж много было танцуплек.

Вещь очень интересна, не сомневаюсь, что она будет напечатана. Но требуется еще много работы, и не для того, чтобы она прошла редакции, а чтобы полнее воплотился замысел автора, чтобы четко обозначилась общественная позиция автора.

(Солженицын дает фактическую справку: о доносах Русанова была осведомлена только его жена; дочери они решили сказать лишь в последний момент).

Перерыв.

Л. Кабо. Хотелось поделиться непосредственным ощущением прочитанной вещи. Начать чи-

тать необыкновенно трудно, все в тебе противится: не хочу, чтобы меня вели в мир страданий, смерти, ужаса. А потом совершенно неожиданно наступает просветление. Лицом к лицу со смертью начинаешь думать о том самом главном, о том, к чему мы очень мало приучены советской литературой. О смысле жизни не в прямолинейном, а в самом глубинном смысле слова. Я не ощутила, что не хватает мира за стенами больницы. Сюда пришли люди самого разного жизненного опыта и они принесли сюда этот опыт. Они уравнены одним страданием и опасностью и как по разному они реагируют на эту опасность !

Если говорить о Толстом я вспомнила не «Смерть Ивана Ильича», а госпиталь на Бородинском поле, Анатоля Курагина, князя Андрея. Автор там перед лицом смерти амнистирует своих героев. Насколько же по иному относится к своим героям наш современный писатель. И здесь на краю страданий он вершит свой суд, суд страстный и суд пристрастный. С нами говорит человек, умеющий взлетать на вершины и ступающий с нами вместе по грешной земле.

Здесь мало говорили о Вадиме. Очень не хочется, чтобы он умирал, — такой в нем заряд мечты, таланта, наконец просто молодости. Поразительна зоркость писателя, — он ведь открыл в нем черты опасные, открыл душевную слепоту и глухоту. Вадим очень плохо разбирается в людях. Он и Русанова зачисляет в «честные трудяги». Он судит по поверхности. В нем есть суперменство, свойственное части нашей технической интеллигенции. Тем отраднее видеть в авторе боевого соратника.

Костоглотов — громаднейшая удача автора. Бо-

лее всего в нем активнейшего самоутверждения, стремления распорядиться собой. Это естественно при той биографии, которая предшествовала больнице.

Решительно не согласна с Асановым в его критике изображения любви. Наша дорогая советская литература прививала тот рационалистический взгляд на любовь, согласно которому если ты хорош, то и полюбишь хорошую, если ты лучше, — то и полюбишь лучшую и т.д. А здесь у Солженицына поразительно как входит противоречивое, земное чувство. Кстати, Зоя сама очень хороший человек. Как свободно, широко дышится в этом произведении, не стесненно. Женщины поразительны, изображены не только с лиризмом, но и с глубоким состраданием, — это новая, щемящая нота.

Русанов написан неровно. Я вся зашлась (простите за вульгаризм), когда он вступает в спор на тему «чем люди живы» и уверенно произносит: «идейностью и служением обществу», а в это время прокусывает самый сладкий хрящик курицы. Но кое-где в этом образе есть публицистические пережесты. Все пережитое, ненависть к Русанову хватает автора за горло и это понятно. Еще раз повторю, — как хорошо, что мы в произведении, где автор также страстен и также пристрастен, как и современные читатели.

Великолепен штрих из биографии Русанова, когда он, еще молодой рабочий, идет чистить интеллигенцию. Корни очень многого из того, что мы пережили в 37 году и позже были заложены тогда, в двадцатых, тогда были заложены основы к перепугу. И за это я хочу поблагодарить автора.

Рукопись производит громаднейшее впечатление.

Конечно она станет книгой. Присоединяюсь к высказанному уже неудовлетворению последней главой. Здесь Александр Исаевич мельче самого себя.

В. Сарнов. Шкловский в одной из давних статей заметил, что Булгарин не травил Пушкина, — он просто давал ему руководящие указания. С тех пор утекло много воды, отменили крепостное право, произошла великая революция, — а Кедрина и Асанов продолжают давать руководящие указания Солженицыну.

Мы обсуждаем рукопись не спроста. Литературная судьба Солженицына уникальна. Лет 10 тому назад один молодой человек сказал мне: великая русская литература кончилась на Бунине и только в 56 году молодые писатели начали все заново. Это точка зрения невежественная, чтобы так сказать надо не знать Бабея, Платонова, Булгакова, Зощенко, Пастернака, Ахматову. Солженицын и среди этих имен занимает особое место.

Автор одного из писем в редакцию об «Одном дне Ивана Денисовича» сказал, что до Солженицына литература обходилась без грубых словечек. И никто не догадался ответить этому человеку, что до Солженицына литература, к сожалению, обходилась без многого. Прочитав «Один день» я испытал радость и счастье, — великая литература продолжается. Я не поставил бы «Раковый корпус» рядом с повестью «Один день Ивана Денисовича».

Солженицын ввел в литературу новый мир, подобно тому, как в свое время Горький рассказом «Страсти-мордасти». Нельзя говорить о Солженицыне как об одном из советских писателей. В 1934 году, во время первого съезда, была выпущена сатирическая книга «Парад бессмертных».

Там предлагался литературный табель о рангах, — шпала, ромб и т.д. Советская литература моя профессия, однако, я не знаю большинства тех писателей, которые тогда наделялись самыми высокими званиями в соответствии с занимаемыми местами в литературной жизни. Достаточно вспомнить, что в президиуме съезда рядом с Горьким и А. Толстым сидели А. Караваева, Кирпотин, Чумандрин. А Булгаков не получил на съезд даже гостевого билета. (Крик из зала: « Чумандрин хороший писатель », « Чумандрин убит на фронте! », « Не надо нам нового табеля о рангах! »).

Роман Булгакова « Мастер и Маргарита » печатается в журнале « Москва » с № 11, видимо для того, чтобы поднять подписку. (Снова крики, неразборчивые). В 1932 году Замятин начал письмо Сталину словами, — к Вам обращается писатель, приговоренный к высшей мере. Нет, Замятина не приговаривал к расстрелу. Но для писателя не печататься, — это и есть высшая мера.

Незадолго до смерти Вас. Гроссман написал рассказ « Тиргартен » и « Армянские записки ». Ни то, ни другое не было опубликовано. А потом оба произведения напечатали, значит ничего особенного в них не было. Автор между тем тоже был приговорен к высшей мере.

Я желаю долгих лет жизни Александру Исаевичу, но я хочу, чтобы все его произведения увидели свет при его жизни. Ведь у « Театрального романа » Булгакова отняли 25 лет литературной жизни.

Ю. Карякин. В своем завещании Ленин высказал страстную и трагическую надежду, что придут люди, необходимые нам, со следующим качеством: они ни слова не скажут против совести;

не побоятся вслух сказать о любых ошибках; не побоятся борьбы. Мы забываем эти слова, хотя часто цитируем завещание. А. Солженицын отвечает этим статьям.

В записках Достоевского есть слова, — что было бы, если бы Толстой соврал, если бы Гончаров соврал. Какая это была бы безнравственность, если эти лгут. Извините за невольный каламбур, — но Солженицын не солжет. Так на вершинах политики и на вершинах культуры сходятся требования, — жажда бескомпромиссной правды. Повесть «Раковый корпус» отвечает этим критериям. Меня поразило, что Маркс, уже автор «Капитала», уже основатель Интернационала, задумал написать драму о Гракхах. Есть такие разрезы действительности, которые не познать никаким иным способом кроме искусства.

Мне понравилась статья Дымшица о повести «Один день Ивана Денисовича», я бы и заменил предисловие Твардовского этой статьей.

Всем очевидно, что «Раковый корпус» должен выйти в свет. Я хочу привести политические аргументы в защиту этой мысли. Именно политические, а не политиканские. Мне пришлось собрать едва ли не все зарубежные отзывы о книге «Один день Ивана Денисовича». Эта книга единодушно была осуждена на страницах троцкистской, китайской, албанской, корейской печати. С теми людьми, которые и сейчас ее осуждают я расхожусь не по вопросу о том, надо ли применять политические критерии к произведениям искусства. Нельзя не применять. Подавляющее большинство положительных отзывов о повести «Один день . . .» дали руководители крупнейших компартий, самые выдающиеся марксисты современности. Публикацией

этой повести мы приобрели огромное количество союзников, ибо люди поверили, что вернулась, как верно говорил Каверин, подлинность тем идеям, которые губили Русановы.

Надо учесть печальный урок с повестью « Один день . . . », — ее противники повторяют (быть может и не по злему умыслу) все то, чем начинается и чем кончается хунвейбинство.

Вадим пострашнее Русанова. Им движет червоточинка тщеславия, он может еще очень много натворить. Образ, к сожалению, очень перспективен. Это настоящая находка автора. Тов. Кедрина уверяла нас тут, что с Русановым покончено, что сейчас его уже никто не поддержит. Это заблуждение, — не знаю злонамеренное ли, во всяком случае это неправда. Русанов — не вчерашняя опасность, не только опасность 55 года. Они живы, они мечтают о своем дне. Быть может, как показывает сегодняшнее обсуждение, их мечты и утопичны.

Есть у меня одно единственное внутреннее несогласие с автором, которое мне трудно сформулировать. Я вижу человека Солженицына, который не может простить Русанову все, что тот совершил. Камю при получении Нобелевской премии сказал, что высшее искусство не прокурорно. Человека можно повернуть и так и этак. Великая победа художника Солженицына состояла бы в том, что ненавидя Русанова, и благословляя смерть за то, что хоть смерть, — управа на русановых, — он тем не менее и в нем сумеет найти, обнаружить человеческое. Если это невозможно, тогда мы остаемся с безнадежной концепцией первородного греха.

Меня потряс Фетюков в « Одном дне », — этот

шакал, лижущий миски, — а Иван Денисович вдруг говорит, — а разобраться так жалко его. Высшая мера наказания в искусстве не совпадает с высшей человеческой мерой. В искусстве надо, чтобы злодей либо как Иуда повесился, либо, — иди искупай. Это намечается. Это с огромным тактом намечается во сне. Все человеческое в Русанове пока загнано под кожу (громкие аплодисменты).

Е. Мальцев. Только вчера я кончил вновь читать эту замечательную книгу. Я не собираюсь учить Сарнова. Меня не удивит остроты выступлениями, я и сам выступаю остро. Но мне кажется, что человек, выходящий на эту ответственную трибуну должен выбирать слова. Обсуждение идет прекрасно, мне очень понравилось замечательное выступление Каверина. А Сарнов проявил здесь лихость, безответственность, а это не может сейчас нам помочь. О самом произведении Солженицына он не сказал ни слова, но, зачем-то, начал сравнивать советских писателей с работниками третьего отделения (реплика из зала: «вернемся к теме!»).

Я прочитал рукопись во второй раз и нашел много нового, много новых оттенков. Больше всего меня взволновала мысль об ответственности человека перед жизнью, перед собой. Люди должны ответить на вопрос: для чего они жили, так ли они жили?

Как верно говорила здесь Любовь Рафаиловна, читая книгу, постепенно от оторопи перед жесткостью приходишь к просветлению. Приходишь к мысли о том, как трудно в этой нашей жизни быть человеком до конца. Здесь спорили о символике заглавия. Говорили будто бы речь идет о раковой опухоли нашего общества. Если бы наше общество

было бы неизлечимо больно, мы здесь с нами не сидели бы, не обсуждали бы это произведение. Я решительно отметаю это толкование (аплодисменты). О Костоглотове. Кедрина считает, что этот характер не выражает ведущие тенденции времени. Это совершенно непропорциональное требование, — ведь в этом характере автор и не ставил такой задачи. Не нужно забывать в какой момент происходит наша встреча с героем, — Костоглотов находится в вечной ссылке. То, о чем он говорит, то, о чем он спорит, мне дорого. Он — замечательный человек, прошедший через страдания, унижения и не потерявший веры в себя, в людей. Сильнее всего это дано в сопротивлении смерти.

В этом больничном корпусе очень много хороших людей.

Я люблю и другие вещи Солженицына, но в этой все мотивы его творчества получают более широкое, объективное выражение.

Мне тоже кажется, что Русанов излишне прямолинейен и однозначен. Даже где-то и оглушен. Автор взял совсем нетронутый искусством пласт, но в жизни все сложнее. Когда я буду читать уже вышедшую из печати книгу, я хотел бы почувствовать эту большую сложность.

И разговоры о литературе мельчат произведение.

Мы собирались здесь в Союзе, обсуждали роман Бека. Собрались тогда люди серьезные и ни у кого не возникала мысль, что роман Бека не будет напечатан. Я и сейчас уверен, что книга Бека будет издана. У нас идут сложные и необратимые процессы демократизации, — догматики и субъективисты могут помешать этим процессам, но не могут их остановить.

Я хочу видеть напечатанной рукопись Солже-

ницына. Я испытывал, когда читал, огромное чувство радости, праздничности, и сегодня я счастлив, что познакомился с автором.

П. Сажин. Писатели не обычного таланта всегда трудно проходят по жизни. Я смотрел недавно передачу по телевизору, посвященную Булгакову, — при жизни такая передача была бы невозможна. Такая же судьба у Ахматовой, Зощенко, Пастернака, — не буду перечислять всех.

Я не могу отделаться от сомнений, — вправе ли мы давать советы автору, — ведь будет же вторая часть. Одно мы вправе сделать, — сказать, что книга — большая удача. Автор свел своих героев не на случайной остановке.

Появление Солженицына мешает всем нам писать плохо (из зала: «не надо себя недооценивать!»).

Часто слышишь у нас жалобы, что мы не можем наладить в Союзе настоящую творческую жизнь. А вот смотрите, сколько народу пришло сегодня. Конечно, здесь есть и элемент сенсации. Рукопись Солженицына переживает трудную судьбу, — мы хотим помочь автору. А кроме того, каждый думает о том, что и его рукопись может постигнуть такая же судьба. Но есть и другая причина, — нам всем интересно, нам всем важно это обсуждение. Автор слушает нас, пользуясь его выражением, «обирчиво». Я хотел бы, чтобы он сумел отбросить все то лишнее, что мы здесь наговорили. Я покорен повестью. Согласен с теми, кто говорил о слабости Русанова. Можем себя поздравить с такой удачей.

Г. Березко. Все у нас шло бы очень хорошо, если бы не огорчительное выступление Сарнова.

Нельзя сравнивать советских писателей с работниками 3-го отделения.

Е. Тагер. Все выступавшие до меня сходились в одном, — перед нами явление художественно поразительное. Стало быть нет сомнения: затруднения у повести Солженицына с печатанием основаны на том, что в повести нашлось место для изображения отрицательных черт нашей действительности. Весь опыт мировой литературы говорит, что нельзя замалчивать зло. Оно тогда становится сильнее (далее оратор подробно рассматривает главу романа « Воскресение »). Солженицын — на уровне великой традиции и не растворяется в ней. Умеет все свести к главному фокусу, — один день, один случай, здесь — одна палата. При этом, — огромная идея, всесторонне раскрыта картина большого мира. Узкие, тесные рамки палаты несколько не дают. Запоминаются не только главные персонажи, но и самые второстепенные, лишь едва мелькнувшие. Солженицын — крупный мастер эпической формы. Другая его стихия, — стихия сказа.

Русанова не поняли те, кто обвиняли здесь Александра Исаевича в отсутствии добротной художественной ткани. Ведь Русанов искренне впитал в себя всю атмосферу лжи, при которой стали возможны доносы.

А. Турков. Я считал, что самое трудное поле боя, которое берет для себя Солженицын, — это сам раковый корпус, сражение со смертью. Но это обсуждение еще больше укрепило меня в том, что самое трудное поле боя, — столкновение с нормативной эстетикой. Один герой Платонова говорит: « без меня народ не полон ». Это убеждение свойственно и Солженицыну. Он преодолевает норма-

тивную эстетику прежде всего в изображение народа. Очень важно и переосмысление такого, якобы, героического образа, как Вадим. Он дал нам многообразие народных миров, а мы до сих пор поучаем писателя, исходя из готовых схем.

Г. Бакланов. Что должна отражать литература, — саму жизнь или сложившиеся представления о жизни? Все ответят на этот простейший вопрос, — конечно саму жизнь. А между тем мы до сих пор судим произведение в зависимости от того отражает ли оно сложившиеся представления о жизни.

Литература не только отражает жизнь. Литература — часть жизни. При раскопках находят обугленные зерна и наскальные рисунки, — хлеб насущный и хлеб духовный.

Есть ли у общества иной способ изжить свои беды, кроме как публично переболев, пережив их? Нет иного способа!

Эту задачу и решает произведение Солженицына.

Меня приучила армия к тому, что когда начальство советуется, это вовсе не означает, что оно действительно хочет выслушать совет. Мне кажется, что некоторые ораторы сегодня злоупотребили своим правом давать советы рядовому Солженицыну (смех).

Великое чувство меры, полностью присутствующее в книгах «Один день...», «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка» здесь, в этом произведении, ощущается не везде. В наибольшей мере оно присутствует в главе Уш Терек.

Больно, что уже второе поколение русановых идет в литературу, — но что же тут сердиться,

это факт жизни. А, Вы, Александр Исаевич, Вы рассердились и начали сечь следствие. Отсюда излишняя публицистичность Русанова.

Просто стыдно не печатать « Раковый корпус ».

(Председатель объявляет последнего, как он сказал, из записавшихся, А. Белинкова, но Белинков, в виду позднего времени, отказывается от слова, просит приложить его написанную речь к стенограмме).

А. Белинков. Замечательное достоинство произведений Александра Исаевича Солженицына состоит главным образом в том, что они написаны.

Человек догадался написать свои книги.

Я знаю многих людей, которые могли бы тоже писать замечательно, но они не догадались это сделать. Простой мысли помешали многие другие, очень серьезные, очень сложные. Случается так, что люди, обладающие большим жизненным опытом, иногда знают больше, чем следует знать писателю. Например, они знают, что всегда может что-то случиться и их книгу не издадут.

Я не выдумал людей, о которых сказал сейчас. Я говорю о людях, которых мы все хорошо знаем. Некоторые из них пришли сюда. Я говорю о тех, кто когда-то писал хорошо, а потом решил, что для общества будет гораздо полезнее, если они начнут писать плохо. И многим это действительно удалось.

Внимательно изучая русскую литературу, мы узнали цену этим догадкам: когда Пушкин начал писать стихотворения и поэмы, из которых « не выжмешь . . . ничего » (а хотели выжать дифирамб победоносному оружию, покоряющему Кавказ), то критика ответила на это чрезвычайно сердито. Она строго сказала: « Упадок таланта Пушкина ». А

когда Пушкин написал «Графа Нулина», один из ранних подступов к «Повести Белкина», а «Повести Белкина» были прямыми предшественниками «Шинели», а из «Шинели», как хорошо известно всякому русскому писателю, мы вышли все, то было сразу с необыкновенной пронизательностью замечено, что «Граф Нулин» есть подлинный нуль в нашей литературе.

Александр Исаевич Солженицын догадался написать замечательные книги.

Такие книги получаются при сочетании двух качеств: таланта и смелости. Это необходимый минимум, без которого в искусстве не получается ничего.

Талант и смелость Александра Солженицына проявились в том, что он после некоторого перерыва, имевшего место в истории нашего искусства, стал говорить голосом великой литературы, главное отличие которой от литературы незначительной в том, что она занята категориями добра и зла, жизни и смерти, взаимоотношений человека и общества, власти и личности. В великой литературе действующими лицами могут быть титан Прометей или богоборец Каин, но для великого искусства важны не большие чины, а значительные художественные идеи, и поэтому повесть о страданиях Акакия Акакиевича Башмачкина раскрыла людям с неоспоримой убедительностью категории добра и зла, хотя во всей повести нет ни одного слова, которое следовало бы искать в философском словаре, а из важных персон лишь мельком упоминается «значительное лицо» в генеральском чине, которому далеко до Прометея, не говоря уж о Каине.

Александр Исаевич Солженицын не написал

трагедии о титане и не написал мистерии о богоборце. Он написал повесть об «**Одном дне . . .**» и рассказал об **одном «дворе», одном «случае» . . .**

День, двор и случай Александра Исаевича Солженицына это синекдохи добра и зла, жизни и смерти, взаимоотношений человека и общества.

Я читал заметку в почтенном журнале и слышал разговор в высокочтимом Союзе, порицающие Александра Исаевича Солженицына за части, по которым читатели самостоятельно должны воспроизводить целое. От писателя не желали получать мир по частям. От него требовали сразу весь мир, да еще такой которого не бывает. Это естественно для мышления людей, хорошо понимающих, что часть может быть лишь воспроизведением недостатков, а целое, несомненно, воспроизводит сразу всю гидроэлектростанцию.

Прочитав заметку и вникнув в разговор, я, наконец, понял, что один писатель не может исчерпать потребности целой национальной литературы. Я вспомнил, что и Бальзаку помогали в правильном и исчерпывающем освещении эпохи другие хорошие писатели: Констан, Стендаль, Мюссе, Гюго, Виньи, Мериме. Писатель Солженицын существует в одной литературе вместе с другими писателями, и правильное, а главное, исчерпывающее освещение эпохи он создает вместе с ними. Все писатели нашей доблестной литературы изо всех сил воспроизводят многоликий и ликующий образ времени. Так, писатель Софронов воспроизводит оптимистическую Стряпуху, а писатель Солженицын — пессимистическую Матрену. Если сложить, то мы получим... гидроэлектростанцию. Писателю Солженицыну, как и другим большим художникам, удалось показать еще одну незамеченную до

него грань времени. Многогранность искусства так важна и так отвратительна некоторым искусствоведам, что первая потребность, которая возникает у людей, обладающих прирожденной любовью к порядку, это сделать что-нибудь с многогранником. Например, треугольник. Для этого стараются убрать все лишнее. Таким способом производится превращение рукописи в книгу.

Что же такое смелость человека, написавшего повесть « Раковый корпус » ?

Одна из главных забот нашей литературы последних тридцати лет связана преимущественно с развитием классической традиции. В сочетании этих трех слов не все слова равноценны, и предпочтение чаще отдается двум последним, а иногда одному последнему. Александр Исаевич Солженицын сосредоточен главным образом на первом слове — развитии.

За тысячелетия своего существования художественная литература не становилась все лучше и лучше. Часто трудно понять, как после блестящего десятилетия она падала столь низко. Но всякий раз, когда снова приходило блестящее десятилетие, появлялся новый и почти всегда более совершенный метод исследования мира. Нужно иметь в виду, что искусство, как и другие виды восприятия и воспроизведения, проходит определенные стадии развития, и не становясь от этого не хуже и не лучше (« Фауст » не превзошел « Иллиаду », « Моцарт и Сальери » оказался значительнее « Дворянского гнезда »), все время последовательно изменяет и чаще совершенствует метод исследования. В других видах исследования, главным образом в естественных науках, это более заметно. Поэтому я привожу пример из их истории.

После изобретения микроскопа естествоиспытатели увидели клетку, и с этого времени изучение перешло на новый — клеточный уровень. На этом уровне были совершены решающие биологические открытия. Микроскоп появился не потому, что жаждали именно его, не потому, что естествознание предшествующего периода исчерпало возможности, и необходимо было что-то придумать, чтобы двигаться дальше. Решающие открытия физики, математики, химии и кибернетики перевели естествознание на иную — молекулярную — стадию. Сейчас происходят радикальные события, приближающие новый уровень.

Молекулярный уровень исследований А. Солженицына связан с пристальностью анализа, то есть с извлечением исторического обобщения не из больших масс, а из элементарной частицы и включением в систему восприятия явлений, недоступных и не представлявших интереса для предшествующей стадии литературного развития.

Поэтому в повести «Раковый корпус» могли появиться такие люди, как Русанов и Костоглотов, которые вступают в неведомые предшествующей литературе взаимоотношения. Взаимоотношения между вечно ссыльным и начальником отдела кадров, который ссылал, создают иную прозу, нежели та, которую мы уже знаем.

Так как в первую очередь читательское внимание сосредотачивается на языково-образной системе писателя, а она у Солженицына кажется похожей на обыкновенную великую русскую прозу, то ее легко и охотно стали принимать за традиционное письмо. Но великое искусство традиционным не бывает: это не надо доказывать, нужно просто перечислить: Аристофан, Данте,

Шекспир, Гете, Пушкин, Бальзак, Достоевский, Блок, Пастернак — они ни на кого не похожи. Солженицын создает новую систему русской прозы, потому что вводит в состав искусства новые, неведомые или забытые представления о добре и зле, жизни и смерти, взаимоотношениях человека и общества. Кажущаяся традиционность его манеры сходна искусству Возрождения, которое было близко античному, но только издали и при невнимательном разглядывании. Творчество Солженицына не только похоже на Возрождение, оно и есть Возрождение русской духовной жизни.

Вот как похожа проза Солженицына на русскую классическую литературу и как явственно она лишь помнит ее опыт и пользуется им для создания нового искусства.

«... в дверь вошла лаборантка, разносившая газеты, и по близости протянула ему (Костоглотову. — А. Б.) ... Русанов ... с обидой выговорил лаборантке ...

— Послушайте! Послушайте! Но ведь я же ясно просил давать газеты первому мне!..

— А почему это вам первому?

— Ну, как почему? Как почему? — вслух страдал Павел Николаевич, страдал от неоспоримости, ясной видимости своего права, но невозможности защитить его словами...

Он понимал газету как открыто распространяемую, а на самом деле зашифрованную инструкцию, где нельзя было высказать всего прямо, но где знающему умелому человеку можно было по разным мелким признакам, по расположению статей, по тому, что не указано и опущено, — составить верное понятие о новейшем направлении».

Безошибочность искусства Солженицына оказа-

лась столь очевидной, что в многочисленных статьях, посвященных ему, рассуждения о том, как сделаны его произведения, казались несущественными, даже неуместными. Говорили о главном: о том, что писатель рассказал людям и от чего до сих пор литература бежала. Некоторые говорили о другом: о том, что было бы лучше Солженицына не печатать. С этим я не спору, потому что откровенно дурные поступки обсуждению не подлежат: их нужно предупреждать, а если это не удается, то стараться как можно скорее исправить.

Так как об искусстве Солженицына до сих пор говорили мало, и это совершенно естественно, потому что в связи с его творчеством нужно было говорить о добре и зле, жизни и смерти, то я говорю лишь о самых заметных вещах.

Александр Исаевич Солженицын рассказал о людях, характерах, событиях и взаимоотношениях, которых до него мы не знали. До него в русской литературе не было таких людей, взаимоотношений и событий, каких мы увидели в куске о встрече молоденькой медсестры с ссыльным навечно человеком, от которого она услышала что-то непонятное и тревожное о темном куске эпохи, тайном крае века, закрытом от молодых и старых медсестер и даже иногда от начальников отдела кадров занавесами, статуями и страхом.

Только такой уровень художественного исследования дал возможность писателю сказать, что же происходит в мире, когда Лев Толстой, симпатичный геолог (который еще угрожающе и злоеще покажет, каков он), а также начальник отдела кадров говорят одними словами и мы начинаем понимать, что вещи, о которых они говорят, враждебны, и тогда возникает осязательная сложность

непригнанных частей мира, враждебность вещей и доброжелательность слов, среди которых живут и умирают люди.

Солженицын принадлежит к тем замечательным писателям, которые возрождают в русской литературе великие категории добра и зла, жизни и смерти.

Он рассказал о том, что так важно для всех нас, то, с чем мы встречаемся каждый день и поэтому знаем сами. Но отличие его от других писателей в том, что другие писатели об этом не написали, а он написал. Он сделал то, что доступно лишь истинному таланту и настоящей смелости. И в этом значение и смысл искусства Александра Солженицына.

А. Солженицын. Главное чувство, которое я пережил сегодня, это чувство благодарности. Я тронут тем вниманием, которое секция прозы московской писательской организации оказала моему произведению и теми высокими оценками, которые, среди прочих, здесь прозвучали. В рязанской писательской организации, в которой я состою, я не смог бы получить и тени подобного.

В тех условиях, когда я пишу книгу за книгой, их не печатают, для меня такое обсуждение, — единственная возможность услышать профессиональное мнение, услышать критику.

Я сидел у себя дома, писал год за годом и думать не думал о том, — напечатают ли, понравится ли то, что я пишу. Та позиция утеряна. Но в ней были не только плюсы, но и минусы. Оказывается в единоборстве с бумагой, когда у меня и было всего несколько читателей, неизбежно теряешь требовательность к себе.

И вот при выходе на публичную арену я по-

чувствовал, как мне не хватало профессионального обсуждения, — мне и сейчас его не хватает, поскольку меня не печатают, но сегодня я испытал огромное удовлетворение.

Что касается незаконченности « Ракового корпуса », я считал возможным обсудить и первую часть саму по себе. Бывало же в истории литературы, что вторые части и вовсе не писались, или уничтожались, всякое бывало.

Я не обижен ни на одно выступление. Я настолько польщен всем услышанным здесь, что знаю только один способ оправдать высокие оценки, — оправдать уровнем второй части. Но справлюсь ли ?

Несколько частных вопросов: о названии. За название шел бой в « Новом Мире ». Бой этот я проиграл. Лагеря, конечно, было опухолью. Но я побоялся дать такое название потому, что рассчитывал: преодолю. Я не хотел ни угнести, ни задвить читателя. Я надеюсь преодолеть в главном вопросе — борьба жизни против смерти.

Литература никогда не может охватить всего в жизни. Я приведу математический образ и поясню его: всякое произведение может стать пучком плоскостей. Этот пучок плоскостей проходит через одну точку. Эту точку выбираешь по пристрастию, по биографии, по лучшему знанию и т.д. Мне подсказала эту точку, — раковую палату, — моя болезнь. Мне пришлось всерьез заняться онкологией, чтобы контролировать как меня лечат. Но описывать территорию республики за пределами ракового корпуса я не чувствую необходимости. Все отразить нельзя, а та часть целого, которая необходима, — она может быть изображена и через эту точку.

Большая часть высказываний о Русанове подтверждает, что я с ним сделал что-то не то. Я не смею спорить с таким числом критиков. Но что делать конструктивно, — не знаю. Очень важна мысль Карякина, — она выходит за пределы моей книги, моего творчества, — как в произведении искусства должны соотноситься современность и вечность. Это труднейшая проблема. Как и любому писателю мне хотелось бы воспитать в себе чувство гармонии. Я пытался рисовать и Русанова с симпатией, иногда всеми силами, — ну, пожалуй, не всеми силами (смех). Ведь вход Русанова в палату автобиографичен, это я сам переступаю порог ракового корпуса.

Есть известное положение, — когда рисуешь хорошего, покажи, где он зол. Когда рисуешь негодяя, покажи, где он добр. Но ведь при этом можно потерять и негодяя.

Бакланов прав, — я в Русанове секу следствие, а надо бы мне художественно дотянуться и до причин. Вероятно, судьба моей вещи при этом не станет легче (смех), но замечание верное, я его принимаю.

Об Авиетте; говорят фельетон — согласен. Говорят: фарс — согласен. Говорят: я сорвался со своего метода, — согласен. Но фельетон не мой и фарс — не мой. Я применил здесь недопустимый прием, — в Авиетте нет ни одного моего слова, — она говорит слова, сказанные за последние 15 лет крупнейшими нашими писателями и литературоведами. С точки зрения вечности, — не надо бы эту главу. Но ведь как долго произносились подобные слова с трибун повыше этой, перед аудиториями побольше этой. Справедливо ли забыть об этом? Да, это откровенный фарс, но не мой.

Здесь, в профессиональной аудитории не трудно убедить вас, что Костоглотов, — не автор. Я старался всемерно от него отдалиться, — если дистанция не удалась, — буду еще работать. Черты автобиографии есть и в других образах. Говорят, что неправдоподобна дискуссия о статье об искренности. Я вернулся из ссылки и сразу же натолкнулся на голубую затрепанную книгу журнала с этой статьей. Юра Маслов, с которого я писал Дему, заговорил со мной об этой статье. И, когда я начал писать «Раковый корпус» и должен был просмотреть литературную историю года, вновь перечитал статью и считаю, что она была для того времени очень важной. Я ничего не придумал. И десятый том Толстого в огоньковском издании 28 года был в моей палате.

Бывает и так: писатель не может бороться против своего воспоминания. Знаешь, что героя надо писать белым, а ты помнишь его черным. И ничего тут не сделаешь.

Я кончаю тем же, чем и начал: благодарностью.

Мне вернули мою рукопись в «Новом Мире», я послал ее еще в два журнала: в «Звезду» и в «Простор». Ответа еще не получил. (Громкие аплодисменты).

Г. Березко. У нас нет оснований сожалеть о проведенной работе. Будет прекрасно, если большой писатель Солженицын еще о чем-то подумает. Речь идет не об элементарных советах. Речь идет о бóльшем.

Мне очень понравились и меня очень обнадежили слова Солженицына: «я не собираюсь угнетать и доводить до отчаяния читателя».

Повесть производит оглушительное впечатление, вещь необычайной художественной силы. В чем-то

правы те товарищи, которые говорили о неполноценности образа Русанова.

Бюро с активом принимает решение: содействовать тому, чтобы повесть « Раковый корпус » была бы опубликована. Стенограмму обсуждения решено послать в « Звезду » и « Простор ».

О. Войтинская считает, что секция прозы должна активно бороться за « Раковый корпус ». « Надо потребовать, чтобы наш журнал « Москва » напечатал бы это произведение ».

Когда обсуждение кончилось и все встали, к столу президиума подбежала Белла Ахмадуллина и обращаясь к Солженицыну закричала: « Прекрасный человек ! Помолимся Господу Богу, чтобы Он дал здоровья Александру Солженицыну ! »

ПИСЬМО IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

—
(вместо выступления)

**В президиум съезда и делегатам,
Членам ССП,
Редакциям литературных газет и журналов.**

Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I — то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз Писателей не может примириться впредь.

Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем « Главлита » тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век ! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не

признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстрадавший в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому неизвестных имен, получают сегодня из редакции отказы лишь потому, что они «не пройдут». Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется в свет в искаженном виде.

А между тем, сами цензурные ярлыки («идеологически-вредный», «порочный» и т.д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался «контрреволюционным» Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)?

Не был ли Маяковский «анархистствующим политическим хулиганом»? Десятилетиями считались «антисоветскими» неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено «грубой политической ошибкой». Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то «признать» и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая «объяснением ошибок». Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях.

Они любить умеют только мертвых!

Но позднее издание книг и «разрешение» имен не возмещает ни общественных, ни художественных потерь, которые несет наш народ от этих уродливых задержек, от угнетения художественного сознания. (В частности, были писатели 20-х годов — Пильняк, Платонов, Мандельштам, которые очень рано указывали и на зарождение культа и на особые свойства Сталина, — однако их уничтожили и заглушили вместо того, чтобы к ним прислушаться). Литература не может развиваться в категориях «пропустят - не пропустят», «об этом можно — об этом нельзя». Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих

нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырьё.

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века и в начале нынешнего, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, проще и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали, не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература: располагай она всеми нетесненными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом — все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем оно идет, приобрело бы новую устойчивость, взшло бы даже на новую художественную ступень.

Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист.

II. . . . обязанности Союза по отношению к своим членам. Эти обязанности не сформулированы отчетливо в уставе ССП (« защита авторских прав » и « меры по защите других прав писателей »), а между тем за треть столетия плачевно выявилось, что ни « других », ни даже авторских прав гонимых писателей Союз не защитил.

Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, — личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не представил им для ответа и оправдания своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, — но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него ! Тем более руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами « и другие »: мы узнали после XX съезда партии, что их было более шестисот — ни в чем не виноватых писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе. Однако свиток этот еще длинней, его закрутившийся конец не прочитывается и никогда не прочтется нашими глазами: в нем записаны имена и таких молодых прозаиков и поэтов, кого лишь случайно мы могли узнать из личных встреч, чьи дарования погибли в лагерях нерасцветшими, чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности времен Ягоды-Ежова-Берии-Абакумова.

Новоизбранному руководству Союза нет никакой исторической необходимости разделять с прежними руководствами ответственность за прошлое.

Я предлагаю четко сформулировать в пункте 22-м Устава ССП все те гарантии защиты, которые предоставляет Союз членам своим, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям — с тем, чтобы невозможным стало повторение незаконий.

Если Съезд не пройдет равнодушно мимо сказанного, я прошу его обратить внимание на запреты и преследования, испытываемые лично мною:

1. Мой роман «В круге первом» (35 авт. листов) скоро два года, как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его открытое редакционное продвижение. Напротив, еще при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома этот роман «издан» противозаконным «закрытым» изданием для чтения в избранном неназываемом кругу. Мой роман стал доступен литературным чиновникам, от большинства же писателей его прячут. Добиться открытого обсуждения романа в писательских секциях, отвратить злоупотребления и плагиат я не в силах.

2. Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20- и 15 летней давности, вещи, не предназначавшиеся к печати. Теперь закрыто «изданы» и в том же кругу распространяются тенденциозные извлечения из этого архива. Пьеса «Пир победителей», написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда, обреченные на смерть измором, мы были забыты обществом и вне лагерей никто не выступил против репрессий), — давно покинутая, эта пьеса приписывается мне теперь как самоновейшая моя работа.

3. Уже три года ведется против меня, всю

войну провоевавшего командира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок якобы как уголовник, или сдался в плен (я никогда там не был), «изменил Родине», «служил у немцев». Так истолковывается 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина. Эта клевета ведется на закрытых инструктажах и собраниях людьми, занимающими официальные посты. Тщетно я пытался остановить клевету обращением в Правление ССП РСФСР и в печать: Правление даже не откликнулось, ни одна газета не напечатала моего ответа клеветникам. Наоборот, клевета с трибун против меня в последний год усилилась, ожесточилась, использует искаженные материалы конфискованного моего архива — я же лишен возможности на нее ответить.

4. Моя повесть «Раковый корпус» (25 авт. листов), одобренная к печати (1-ая часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнуты в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута «Новым миром», «Звездой» и «Простором»).

5. Пьеса «Олень и шалашовка», принятая театром «Современник» в 1962 году, до сих пор не разрешена к постановке.

6. Киносценарий «Знают истину танки», пьеса «Свет, который в тебе», мелкие рассказы («Правая кисть», серия «крохотных») не могут найти себе ни постановщика, ни издателя.

7. Мои рассказы, печатавшиеся в журнале «Новый мир», не переизданы отдельной книгой ни разу, отвергаются всюду («Советский писа-

тель», Гослитиздат, «Библиотека Огонька») и таким образом недоступны широкому читателю.

8. При этом мне запрещаются и всякие другие контакты с читателями: публичное чтение отрывков (в ноябре 1966 г. из таких уже договоренных 11 выступлений было в последний момент запрещено 9) или чтение по радио. Да просто дать рукопись «прочитать и переписать» у нас теперь под уголовным запретом (древнерусским писцам пять столетий назад это разрешалось).

Так моя работа окончательно заглушена, замкнута и оболгана.

При таком грубом нарушении моих авторских и «других» прав — возьмется или не возьмется IV Всесоюзный Съезд защитить меня? Мне кажется, этот выбор немаловажен и для литературного будущего кое-кого из делегатов.

Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но может быть многие уроки научат нас, наконец, не оставливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории.

Солженицын А. И.

16 мая 1967 г.

*Письмо П. Г. Антокольского секретарю
ЦК КПСС П. Н. Демизеву о письме
Солженицына от 16 мая 1967.
(Москва. Май 1967).*

Уважаемый Петр Нилыч !

В числе других делегатов нашего съезда я тоже получил известное письмо от писателя Александра Исаевича Солженицына и оно взволновало меня так же, как некоторых других товарищей.

Как старый писатель и как коммунист я считаю себя обязанным поделиться своими чувствами с Вами.

Александр Солженицын представляется мне писателем на редкость талантливым, растущей надеждой нашей реалистической литературы, наследником великих гуманистических традиций Гоголя, Льва Толстого, Алексея Максимовича Горького. Такими деятелями нашей культуры надо дорожить. Критика опубликованных произведений Солженицына поражала своей пристрастной несправедливостью; своей малой доказательностью.

Изъятие рукописей Солженицына, о чем подробно говорится в его письме, представляется каким-то невероятным происшествием, недостойным нашего социалистического общества и нашего советского государства. Это тем более ужасно, что несколько лет тому назад то же самое произошло

с рукописью второй части романа покойного Василия Гроссмана.

Неужели такая расправа с рукописями наших писателей рискует превратиться в узаконенные обычаи у нас ?

Этого не может и не должно быть !

Такая жестокость по отношению к произведениям искусства не совместима с нашими основными законами и не мыслима в любом нормальном человеческом общежитии.

Если в произведениях Солженицына есть что-то спорное и неясное, если в них обнаружены политические ошибки, их должно подвергнуть открытому обсуждению нашей общественности. Таких возможностей у писателей много.

Я работаю в литературе пятьдесят лет. За плечами у меня и книги и целая жизнь, на долю которой всего пришлось вдоволь. Бывали в ней и времена жгучей тревоги за судьбы всей нашей литературы, а также за отдельных товарищей — Булгакова, Пастернака, Тициана Табидзе, — я вспоминаю тех, что были мне близки.

Прожив эту жизнь, я никак не мог представить себе, что такая тревога возникнет на склоне дней, да еще накануне нашей великой и славной даты.

Если советский писатель оказался вынужденным обратиться к своим братьям по перу с таким письмом, как Солженицын, это означает, что все мы в ответе перед ним и перед нашими собственными читателями. Если он не может сказать читателям своей правды, то и я, старейший писатель, лишен права открыто смотреть в глаза читателям.

Павел Антокольский

*Письмо Г. Владимова (Г. Н. Волосевича)
в Президиум IV съезда писателей СССР
о письме Солженицына от 16.5.67.
Москва, 26.5.67.*

**ПИСЬМО Г. ВЛАДИМОВА
В ПРЕЗИДИУМ 4-ГО ВСЕСОЮЗНОГО
СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Копия — А. Солженицыну

Уважаемые товарищи !

Я, как и вы, получил письмо А. Солженицына и хочу высказать свое суждение по всем пунктам этого письма.

Я осмеливаюсь напомнить съезду, что не рапорты о наших блистательных творческих победах, не выслушивание приветствий иностранных гостей и не единение с народами Африки и борющегося Вьетнама составляют главную задачу писательских съездов, но прежде всего — единение со своим народом, прежде всего — разрешение собственных наболевших проблем, без чего не мо-

Владимов (Волосевич), Георгий Николаевич. В 1953 г. окончил юридический ф-т ЛГУ. Опубликовал повесть «Большая руда» («Новый мир», 1961 г.).

жет далее жить и развиваться советская литература. Она все-таки не может без свободы творчества, полной и безграничной свободы, высказать любое суждение в области социальной и нравственной жизни народа, — какими бы ругательствами мы ни поносили это законное требование всякого мало-мальски честного, мыслящего художника. Без нее — он чиновник по ведомству изящной словесности, повторяющий зады газетных передовиц, с нею — он глашатай, пророк в своем обществе, способный воздействовать духовно на своего читателя, развить его общественное сознание, либо предупредить об опасности, пока она не надвинулась вплотную и не переросла в народную трагедию.

И я должен сказать — такая свобода существует. Она осуществляется, но только не в сфере официально признанной, подцензурной литературы, а в деятельности т. н. « Самиздата », о которой вы все, вероятно, осведомлены. Из рук в руки, от читателя к читателю шествуют в машинописных седьмых и восьмых копиях неизданные вещи Булгакова, Цветаевой, Мандельштама, Пильняка, Платонова и других, ныне живущих, чьих имен я не называю по вполне понятным причинам. Могу лишь сказать, что и моя вещь усыновлена « Самиздатом », не найдя пристанища в печати. Время от времени она возвращается ко мне, и я поражаюсь не тем изменениям, какие принес в нее очередной переписчик, а той бережности и точности, с которыми все-таки сохраняется ее главное содержание и смысл.

С этим ничего не поделаешь, — как ничего нельзя поделать с распространением магнитофонных записей наших менестрелей, трубадуров и

шансонье, не узаконенных Радиокomiteетом, но зато полюбившихся миллионам. Устройте повальный обыск, изымите все пленки, все копии, арестуйте авторов и распространителей, и все же хоть одна копия да уцелеет, а оставшись — размножится, и еще того обильней, ибо запретный плод сладок. Помимо неподцензурных песен и литературы есть неподцензурная живопись и скульптура, и я даже предвижу появление неподцензурного кинематографа, как только кинолюбительская техника станет доступной многим. Этот процесс освобождения искусства от всяческих пут «руководящих указаний» развивается, ширится, и противостоять ему так же глупо и бессмысленно, как запретить табак или спиртное.

Лучше подумайте вот о чем: явно обнаруживаются два искусства. Одно — свободное и непринужденное, каким ему и полагается быть, распространение и воздействие которого зависит лишь от его истинных художественных достоинств, и другое — приказное и оплачиваемое, но только угнетенное в той или иной степени, но только стесненное, а подчас и изувеченное всяческими компрачикосами, среди которых первым на пути автора становится его же собственный «внутренний редактор», — наверное, самый страшный, ибо он убивает дитя еще в утробе. Которое из этих двух искусств победит — предвидеть не трудно. И волей неволей, но приходится уже сейчас делать выбор — на какую сторону из них мы встанем, которое из них поддержим и отстоим.

Я прочитал многие вещи «Самиздата» и о 9-10 из них могу сказать со всей ответственностью — их не только можно, их должно напечатать. И как можно скорее, пока они не стали достоянием

зарубежных издательств, что было бы весьма прискорбно для нашего престижа. Ничего антинародного в них нет, — об этом ни один художник, здравый умом, никогда не помыслит, — но в них есть дыхание таланта и яркость, и блеск раскрытой художественной формы, в них присутствует любовь к человеку и подлинное знание жизни, а подчас в них слышится боль и гнев за свое отечество, горечь и ненависть к его врагам, прикидывающимся ярыми его друзьям и охранителями.

Разумеется, все вышесказанное относится и к неизданным вещам Солженицына. Я имел счастье прочесть почти все им написанное — это писатель, в котором сейчас больше всего нуждается моя Россия, кому суждено прославить ее в мире и ответить нам на все больные вопросы выстраданной нами трагедии, — не знаю иного автора, кто имел бы больше права и больше силы для такой задачи. Не в обиду будь сказано съезду, но, вероятно, 9/10 его делегатов едва ли вынесут свои имена за порог нашего века. Александр же Солженицын, гордость русской литературы, донесет свое имя подалее. И если ему сейчас физически трудно выполнить свою задачу, по причинам достаточно вам известным, изложенным в его письме, то не дело ли съезда, не честь ли для него — защитить и оберечь этого писателя от всех превратностей его индивидуальной судьбы?

Запрещение к печати и постановке, обыск и конфискация архива, « закрытые » издания вещей, к изданию самим автором не предназначенных, вдобавок еще гнусная клевета на боевого офицера, провоевавшего всю войну . . . читать об этом больно и мучительно стыдно. Это происходит в проле-

тарском государстве. Это происходит на 50-м году Революции. Это происходит, наконец, в цивилизованном обществе во второй половине XX века. Не хватило духу объявить писателя «врагом народа», — в конце концов, это был бы честный бандитский прием, к которому нам ли привыкать! — нет, воспользовались приемом сявок, недостойных находиться в приличном месте, подпустили слух исподтишка, дабы скомпрометировать писателя в глазах его читателей, хоть как-нибудь объяснить его вынужденное молчание... Такого парадокса еще не видала история демагогии — официальные общественные организации, пускающие анонимку на честного человека! Ведь даже Чаадаев был объявлен сумасшедшим высочайше, то-бишь открыто.

И вот я хочу спросить полномочный съезд — нация мы подонков, шептунов и стукачей, или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнит, я верю в это столь же твердо, как верит он сам, — но мы-то, мы здесь при чем? Мы его защитили от обысков и конфискаций? Мы пробили его произведения в печать? Мы отвели от его лица липкую, зловонную руку клеветы? Мы хоть ответили ему вразумительно из наших редакций и правлений, когда он искал ответа?

Мы в это время выслушивали приветствия г-на Дюрренмата и г-жи Холлмен. Что же, это тоже дело, как и единение с борющимся Вьетнамом и страдающей Грецией. Но пройдут годы и нас спросят — что сделали мы для самих себя, для своих ближних, которым так трудно было жить и работать.

Письмо Солженицына стало уже документом,

который обойти молчанием нельзя, недостойно для честных художников. Я предлагаю съезду обсудить это письмо в открытом заседании, вынести по нему новое и недвусмысленное решение и представить это решение правительству страны.

Извините все резкости моего обращения — в конце концов, я разговариваю с коллегами.

Уважающий вас
Г. Владимов

Москва, 26 мая 1967 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

*

Всем секретарям правления

Мое письмо IV съезду Союза Писателей, хотя и поддержанное более чем ста писателями, осталось без оглашения и без ответа. Лишь распространились единообразно, повидимому централизованные, слухи, успокаивающие общественное мнение: будто архив и роман мне возвращены, будто печатается « Раковый корпус » и книга рассказов. Но все это — ложь, как вы знаете.

Секретари Правления СП СССР Г. Марков, К. Воронков, С. Сартаков, Л. Соболев в беседе со мной 12 июня 1967 г. заявили, что Правление СП считает своим долгом публично опровергнуть низкую клевету, распространявшуюся обо мне и моей военной биографии. Но не только не последовало опровержения, а клевета не унимается: на закрытых инструктажах, активах, семинарах обо мне распространяется новый фантастический вздор — вроде того, что я бежал в Арабскую республику не то в Англию (хотел бы заверить клеветников, что они побегут скорее). Наиболее же настойчиво видными лицами выражается сожаление, что я не умер в лагере, что был освобожден оттуда. (Впрочем, и сразу после « Ивана Денисовича » такие

сожаления уже выражались. Теперь эта книга тайно изымается из библиотечного пользования).

Те же секретари Правления обещали « рассмотреть вопрос » по крайней мере о печатании моей последней повести « Раковый корпус ». Но за три месяца — четверть года ! — и это нисколько не сдвинулось. За три месяца сорок два секретаря Правления не оказались способны ни вынести оценку повести, ни принять рекомендацию о ее печатании. В этом странном равновесии — без прямого запрета и без прямого позволения — моя повесть существует уже более года, с лета 1966-го. Сейчас журнал « Новый мир » хочет печатать эту повесть, однако, не имеет разрешения.

Думает ли Секретариат, что от такой бесконечной затяжки моя повесть тихо изникнет, перестанет существовать, и не надо уже будет голосовать о включении или невключении ее в отечественную литературу ? А между тем, начиная с писателей, она охотно читается. По воле читателей она уже разошлась в сотнях машинописных экземпляров. При встрече 12 июня я предупредил Секретариат, что надо спешить ее печатать, если мы хотим ее появления сперва на русском языке, что в таких условиях мы не можем остановить ее неконтролируемого появления на Западе.

После многомесячной бессмысленной затяжки приходит пора заявить: если так произойдет, то по явной вине (а может быть и по желанию ?) Секретариата Правления СП СССР.

Я настаиваю на опубликовании моей повести безотлагательно.

12 сентября 1967 г.

Солженицын

**ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАСЕДАНИЯ
СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР 22 СЕНТЯБРЯ 1967 Г.**

Присутствовало около 30 секретарей СП и т. МЕЛЕНТЬЕВ от Отдела Культуры ЦК. Председательствовал К.А. ФЕДИН. Заседание по разбору писем писателя СОЛЖЕНИЦЫНА началось в 13 часов, окончилось после 18 часов.

ФЕДИН. Второе письмо Солженицына меня покорило. Мотивировки его, что дело остановилось, мне кажутся зыбкими. Мне показалось это оскорблением нашего коллектива. Три с половиной месяца — совсем небольшой срок для рассмотрения его рукописей. Мне здесь услышалась своего рода угроза. Такая мотивировка показалась обидной! Второе письмо Солженицына как бы заставляет нас силком братья за рукописи, скорее их издать. Вторым письмом продолжается линия первого, но там более обстоятельно и взволнованно говорилось о судьбе писателя, а здесь мне показалось обидным. В сложном вопросе о печатании вещей Солженицына что происходит? Его таланта никто из нас не отрицает. Перекашивает его тон в непозволительную сторону. Читая письмо, ощущаешь его как оплеуху — мы будто негодники, а не представители творческой интеллигенции. В

конце концов своими требованиями он сам тормозит рассмотрение вопроса. Не нашел я в его письмах темы писательского товарищества. Хотим мы или не хотим, мы должны будем сегодня говорить и о произведениях Солженицына, но мне кажется, что мало говорить в общем по письмам.

СОЛЖЕНИЦЫН просит разрешения сказать несколько слов о предмете обсуждения. Читает письменное заявление:

« Мне стало известно, что для суждения о повести « Раковый корпус » секретарям Правления предложено было читать пьесу « Пир победителей », от которой я давно отказался сам, лет десять даже не перечитывал, уничтожил все экземпляры, кроме захваченного, а теперь размноженного. Я уже не раз объяснял, что пьеса эта написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Ш-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу, и никто из общественности, в том числе и писательской, ни словом, ни делом не выступил против репрессий даже целых народов. Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не хотели бы повторить сейчас иных речей и книг, написанных в 1949 году. На этой пьесе отпечаталась безвыходность лагеря тех лет, сознание определялось бытием и отнюдь не возносилось молитв за гонителей. Пьеса эта не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству, и разбор ее есть нарочитое отвлечение от делового обсуждения повести « Раковый корпус ». Кроме того, недостойно писательской этики — обсуждать произведение, вырванное из частной квартиры таким способом. Разбор же моего романа « В круге первом » есть

вопрос отдельный, и им нельзя подменять разбора повести « Раковый корпус ».

КОРНЕЙЧУК. У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разнузданной буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма ? Почему он от нее не отмежуетя ? Почему спокойно терпит ? Почему его письмо западное радио начало передавать еще до съезда ?

ФЕДИН предлагает Солженицыну ответить.

СОЛЖЕНИЦЫН указывает, что он — не школьник вскакивать на каждый вопрос, у него будет выступление, как и у других.

ФЕДИН говорит, что можно собрать несколько вопросов и ответить на все вместе.

БАРУЗДИН. Хотя Солженицын возражает против обсуждения пьесы « Пир победителей », но нам волей-неволей приходится говорить об этой пьесе. Вопрос: какова была необходимость Солженицыну вообще называть эту пьесу в письме съезду, упоминать ее ?

САЛЫНСКИЙ. Я прошу, чтобы Солженицын рассказал, кто, когда и при каких обстоятельствах изъясил эти материалы ? Просил ли автор о возвращении их ? Кого просил ?

ФЕДИН предлагает Солженицыну ответить на собравшиеся вопросы.

СОЛЖЕНИЦЫН повторяет, что ответит на вопросы при выступлении.

ФЕДИН, поддержанный другими: Но Секретариат не может приступать к обсуждению, не имея ответа на эти вопросы.

РОПОТ ГОЛОСОВ: Солженицын может вообще отказаться разговаривать с Секретариатом, пусть об этом заявит.

СОЛЖЕНИЦЫН. Хорошо, я отвечу на эти

вопросы. Это неверно, что письмо стали передавать по западному радио до съезда: его стали передавать уже после закрытия съезда, и то не сразу. (Далее буквально): «Здесь употребляют слово «заграница» и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть это и понятно тем, кто много творческого времени проводит в заграничных поездках и наводняет нашу литературу летучими заметками о загранице. Но мне это странно. Я никакой заграницы не видел, не знаю, и жизненного времени у меня нет — узнать ее. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной, с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества только ее боль я слышу, только о ней пишу».

Почему пьеса «Пир победителей» была упомянута в письме съезду? — это ясно из самого письма: чтобы протестовать против незаконного «издания» и распространения этой пьесы вопреки воле автора и без его ведома. Теперь относительно изъятия моего романа и архива. Да, я несколько раз, начиная с 1965 года, писал в ЦК по этому поводу, протестовал (далее буквально): «Но за последнее время изобретена новая версия об изъятии моего архива. Будто бы тот человек, Теуш, у которого хранились мои рукописи, был связан с другим еще человеком, которого не называют, а того задержали на таможне, неизвестно какой, и что-то нашли (не называют что), не мое нашли, но решили меня оберечь от такого знакомства. Все это — ложь. У знакомого моего Теуша два года назад было следствие, но такого обвинения ему даже не выставлялось. Хранение мое было обнару-

жено обыкновенной уличной слезкой, подслушиванием телефонных разговоров и подслушивателем в комнате. Но вот примечательно: едва появилась новая версия — она единым толчком обнаруживается в разных местах страны: лектор Потемкин только что изложил ее многолюдному собранию в Риге, один из секретарей СП — московским писателям. Причем от себя он добавил и свое измышление: что все это я будто бы признал на прошлой встрече в Секретариате. А об этом у нас и разговора не было». Не сомневаюсь, что скоро начну со всех концов страны получать письма о распространении этой версии.

ВОПРОС: Отвергнута ли редакцией « Нового мира » повесть « Раковый корпус » или принята ?

АБДУМОМУНОВ. Какое разрешение требуется « Новому миру » на печатание повести и от кого ?

ТВАРДОВСКИЙ. Вообще решение печатать или не печатать ту или иную вещь — в компетенции редакции. Но в данной ситуации, сложившейся вокруг имени автора, решать должен Секретариат Союза.

ВОРОНКОВ. Солженицын ни одного раза не обращался непосредственно в Секретариат Союза писателей СССР. После письма Солженицына съезду у товарищей из Секретариата было желание встретиться, ответить на вопросы — поговорить и помочь. Но после того, как письмо появилось в грязной буржуазной прессе, а Солженицын никак не реагирует...

ТВАРДОВСКИЙ. Ну, точно, как Союз писателей !

ВОРОНКОВ. ... это желание отпало. А тут вот появилось второе письмо. Оно ультимативно, оскорбительно, недостойно нашей писательской

общественности. Сейчас Солженицын упомянул об «одном секретаре», давшем информацию партийному собранию московских писателей. Секретарь этот — я. Вам поспешили передать, но плохо передали. Об изъятии ваших вещей я только то сказал на последнем собрании, что вы признали, что отобранные вещи — ваши, и что обыска у вас дома не было. После вашего письма съезду мы естественно сами запросили — прочитать все ваши произведения. Но нельзя так грубо обращаться с вашими товарищами по труду и по перу! А вы, Александр Трифонович, если считаете нужным печатать эту повесть и если автор примет ваши исправления — так и печатайте сами, причем тут Секретариат?

ТВАРДОВСКИЙ. А с Бекон как было? И Секретариат занимался, и рекомендовал — и все равно не напечатали.

ВОРОНКОВ. Но меня сейчас больше всего интересует гражданское лицо Солженицына: почему он не реагирует на гнусную буржуазную пропаганду? И почему так обращается с нами?

МУСРЕПОВ. И у меня вопрос: как это он пишет в письме: более высоко стоящие товарищи выражают сожаление, что я не умер в лагере? Какое право он имеет так писать?

ШАРИНОВ. И по каким каналам письмо могло попасть на Запад?

ФЕДИН предлагает Солженицыну ответить на заданные вопросы.

СОЛЖЕНИЦЫН. Да то ли еще обо мне говорили? Лицо, занимающее очень высокое положение и сегодня, заявило публично, что сожалеет: не он был в составе той тройки, которая выносила мне приговор в 1945 году, он бы тогда же приго-

ворил меня к расстрелу... Здесь мое второе письмо истолковывают как ультиматум: или печатайте повесть, или ее на Западе напечатают. Но этот ультиматум не я ставлю Секретариату, а вам и мне вместе ультиматум этот ставит жизнь. Я пишу, что меня беспокоит распространение повести в сотнях — эта цифра на глазок, я ее подсчитывал — в сотнях машинописных экземпляров.

ГОЛОС. Как это получилось ?

СОЛЖЕНИЦЫН. А вот такое странное свойство обнаружилось у моих вещей: их настойчиво просят почитать, а взяв почитать — за счет своего досуга или своих средств перепечатывают и дают читать дальше. Новую часть повести еще год назад перечитала московская секция. Я удивляюсь, почему тут т. Воронков сказал — не знали, где достать, запрашивали в КГБ. Года три назад такое же быстрое распространение получили мои « крохотные рассказы » или стихотворения в прозе: едва я их стал давать людям читать, как они быстро разлетелись по разным городам Союза. А потом в редакцию « Нового мира » пришло письмо с Запада, из которого мы узнали, что эти крохотные рассказы и там уже напечатаны. Вот чтобы такая утечка не успела произойти с « Раковым корпусом », я и написал свое настоятельное письмо Секретариату. Я не меньше могу удивляться, как мог Секретариат несколько не реагировать на мое письмо съезду — еще прежде Запада ? И не реагировать на всю ту клевету, которой меня окружили ? Т. Воронков употребил здесь замечательное выражение « братья по перу и по труду ». Так вот эти братья по перу и по труду уже два с половиной года спокойно взирают на то, как меня притесняют, преследуют, клеветают на меня.

ТВАРДОВСКИЙ. Не все безучастны.

СОЛЖЕНИЦЫН. . . . А редакторы газет, тоже братья, не помещают моих опровержений. (Далее буквально) « Я уже не говорю, что моей книги не дают читать в лагерях: ее не пропускали в лагеря, изымали обысками и сажали за нее в карцер даже в те месяцы, когда все газеты трубно хвалили « Один день Ивана Денисовича » и обещали, что « это не повторится ». Но за последнее время книгу стали тайно изымать и из вольных библиотек. О запрете выдавать ее мне пишут из разных мест: велено отвечать читателям, что книга в переплете, или на руках, или доступа нет к тем полкам, и уклоняться от выдачи. Вот свежее письмо из Красногвардейского района Крыма: — « В районной библиотеке мне по секрету (я — активист этой библиотеки) сказали, что ваши книги велено изъять. Одна из сотрудниц хотела подарить мне на память ненужный им теперь « Один день » в журнале-газете, другая тут же остановила свою опрометчивую подругу: « Что вы, что вы, нельзя ! Раз книгу отобрали в Особый отдел, то опасно ее кому-нибудь дарить ! »

Не скажу, что книга изъята из всех библиотек, кое-где еще есть. Но приезжающие ко мне в Рязань посетители не могли достать моей книги в Рязанской областной читальне: им отнекивались разными способами, да так и не дали.

Давно известно, что клевета неистощима, изобретательна, быстра в росте. Но когда столкнешься с клеветой сам, да еще с невиданной новой формой ее — клеветою с трибуны, то диву даешься. Беспрепятственно провернулся круг лжи о том, что я был в плену и сотрудничал с немцами. Но этого уже кажется мало ! Этим летом в сети политпрос-

вещения, например в Болшево, агитатором было продиктовано, что я бежал в Арабскую республику и сменил подданство. Ведь это же все записывается и разносится дальше с коэффициентом сто. В Соликамске (п/я 389) майор Шестаков объявил, что я бежал по туристской путевке в Англию. Говорит заместитель по политчасти — кто же смеет не верить? Другой раз он же объявил: Солженицыну официально запрещено писать! Ну, тут он хоть близок к истине.

Еще так обо мне заявляют с трибун: «Его освободили досрочно, а зря». Зря или не зря освободили, это мы можем видеть из судебного решения Военной Коллегии Верховного Суда по реабилитации, оно предложено Секретариату...

ТВАРДОВСКИЙ. И там боевая характеристика офицера Солженицына!

СОЛЖЕНИЦЫН. А вот «досрочно» — это очень смачно употреблено! Сверх 8-летнего приговора я просидел месяц в пересыльных тюрьмах, да такую мелочь у нас и упоминать стыдно, затем без приговора получил вечную ссылку, с этой вечной обреченностью просидел три года в ссылке, только благодаря XX съезду освобожден — это называется досрочно! Как это словечко выражает удобное мировосприятие 1949-58 годов: если не умер у лагерной помойки, если хоть на коленях из лагеря выполз — значит освобожден «досрочно»... Ведь срок — вечность, и что раньше — то все досрочно.

Бывший министр Семичастный, любивший выступать по вопросам литературы, не раз уделял внимание и мне. Одно из его удивительных, уже комичных обвинений было такое: «Солженицын материально поддерживает капиталистический мир

тем, что не берет гонорара » какого-то за вышедшую где-то книгу, очевидно « Ивана Денисовича », другой нет. Так если вы знаете, где-то прочли, и очень надо, чтоб эти деньги я у капитализма вырвал — почему уже меня не известят? Я-то в Рязани не знаю. « Международная Книга »? Иностранная комиссия СП? — сообщите: вот, мол, твой патристический долг забрать эти деньги. Ведь это уже комедийная путаница: кто берет гонорары с Запада — тот проданся капиталистам, кто не берет — тот их материально поддерживает. А третий выход? — на небо лети. Семичастный уже не министр, но идея его не угасла: лекторы всесоюзного общества по распространению научных знаний понесли ее дальше. Например, ее повторил 16 июля этого года лектор А.А. Фрейфельд в Свердловском цирке. Сидели две тысячи человек и только удивлялись: какой же ловкач этот Солженицын! — умудрился, не выходя из Советского Союза, не имея в кармане вообще ни копейки — материально укрепить мировой капитализм! Действительно, история для цирка. Вот такую чушь обо мне рассказывает всякий, кому не лень. 12 июня здесь, в Секретариате, у нас было собеседование — такое мирное. Вышли отсюда, прошло короткое время — и вдруг слухи по всей Москве, все рассказывается не так, как было, все вывернуто, начиная с того, что будто бы Твардовский здесь кричал и стучал на меня кулаком по столу. Но ведь те, кто были, знают, что ничего подобного не было, зачем же лгать? Вот и сейчас мы однозначно слышим, что тут говорится, но где гарантии, что и после сегодняшнего Секретариата опять все не вывернут наизнанку? И если уж « братья по перу и труду », так — первая просьба:

давайте, рассказывая о сегодняшнем Секретариате, ничего не придумывать и не выворачивать.

Я — один, клеветают обо мне — сотни. Я, конечно, не успею никогда оборониться и вперед не знаю — от чего. Еще меня могут объявить и сторонником геоцентрической системы и что я первый поджигал костер Джордано Бруно, не удивлюсь ».

САЛЫНСКИЙ. Я буду говорить о « Раковом корпусе ». Я считаю, что эту вещь необходимо печатать — это яркая и сильная вещь. Права, там патологически пишется о болезнях, читатель невольно поддается раковой боязни, и без того распространенной в нашем веке. Это надо как-то убрать. Еще надо убрать фельетонную хлесткость. Еще огорчает, что почти все судьбы персонажей в той или иной форме связаны с лагерем или лагерной жизнью. Ну, пусть Костоглотов, пусть Русанов, — но зачем обязательно и Вадиму ? и Шулубину ? и даже солдату ? В самом конце мы узнаем, что он — не просто солдат из армии, а из лагерной охраны. Общее направление романа в том, что он говорит о конце тяжелого прошлого. Теперь о нравственном социализме. По-моему, здесь ничего страшного. Если бы Солженицын проповедовал безнравственный социализм — это было бы ужасно. Если бы он проповедовал национал-социализм или национальный социализм по-китайски — это было бы ужасно. Каждый человек волен думать по-своему о социализме и его развитии. Сам я думаю — социализм определятся экономическими законами. Но спорить — можно, зачем же не печатать повести ? (Далее призывает Секретариат решительно выступить с опровержением клеветы против Солженицына).

СИМОНОВ. Роман « В круге первом » я не приемлю и против его печатания. А « Раковый корпус » — я за публикацию. Мне не все нравится в этой повести, но не обязательно, чтобы всем нравилось. Может быть что-то из делаемых замечаний автору надо и принять. А все принять, конечно, невозможно. Мы обязаны опровергнуть и клевету относительно него. И книгу его рассказов надо выпустить — вот там-то, в предисловии, будет хороший повод рассказать его биографию — и так клевета отпадет сама собой. Покончить с ложными обвинениями должны и можем мы, а не он сам. « Пира победителей » я не читал, и у меня нет желания его читать, раз автор этого не хочет.

ТВАРДОВСКИЙ. Солженицын находится в таких условиях, что ему с выступлением и соваться нельзя. Это именно мы, Союз, должны дать заявление, опровергающее клевету. Одновременно мы должны строго предупредить Солженицына за недопустимую, неприятую форму его обращения к съезду, во столько адресов. Редакция « Нового мира » не видит никаких причин не печатать « Ракового корпуса », конечно, с известными доработками. Мы хотим только получить одобрение Секретариата или хотя бы — что Секретариат не возражает. (Просит Воронкова достать уже прежде подготовленный, еще в июне, проект коммюнике Секретариата).

ВОРОНКОВ не спешит достать коммюнике. Тем временем —

ГОЛОСА. Да ведь еще не решили! Есть против!

ФЕДИН. Нет, это неверно. Секретариат не должен ничего печатать и опровергать. Неужели мы в чем-то виновны? Неужели вы, Александр Трифонович, считаете себя виновным?

ТВАРДОВСКИЙ (быстро, выразительно). Я ?
— Нет.

ФЕДИН. Не нужно искать искусственного повода для выступления. Какие-то слухи — недостаточный повод. Другое дело, если Солженицын сам найдет повод развязать возникшую ситуацию. Тут должно быть публичное выступление самого Солженицына. Но вы подумайте, Александр Исаевич, в интересах чего мы станем печатать ваши протесты? Вы должны прежде всего протестовать против грязного использования вашего имени нашими врагами на Западе. При этом, конечно, вы сумеет найти возможность высказать вслух и какую-то часть ваших сегодняшних жалоб, сказанных здесь. Если это будет удачный и тактичный документ — вот мы его и напечатаем, поможем вам. Именно с этого должно начаться наше оправдание, а не с ваших произведений, не с этой торговли — сколько месяцев мы имеем право рассматривать вашу рукопись — три месяца? четыре? Разве это страшно? Вот страшное событие: ваше имя фигурирует и используется там, на Западе, в самых грязных целях.

(Одобрение среди членов Секретариата).

КОРНЕЙЧУК. Мы вас пригласили не для того, чтобы бросать в вас камни. Мы позвали вас, чтобы помочь вам выйти из этого тяжелого и двусмысленного положения. Вам задавали вопросы, но вы ушли от ответа. Отдаете ли вы себе отчет: идет колоссальная мировая битва и в очень сложных условиях. Мы не можем быть в стороне. Своим творчеством мы защищаем свое правительство, свою партию, свой народ. Вы тут (иронически)

высказались о заграничных поездках как о приятных прогулках. Но мы ездим за границу вести борьбу. Мы возвращаемся оттуда измученные, но с сознанием исполненного долга. Не подумайте, что я обиделся на замечание о путевых заметках, я их не пишу, я езжу не по делам Всемирного Совета Мира. Мы знаем, что вы много перенесли, но не вы один. Было много других людей в лагерях, кроме вас. Старых коммунистов. Они из лагеря — и шли на фронт. В нашем прошлом было не только беззаконие, был подвиг. Но вы этого не увидели. Ваши выступления — только прокурорские. « Пир победителей » — это злобно, грязно, оскорбительно ! И эта гадкая вещь распространяется, народ ее читает ! Вы сидели когда там ? Не в 37-м году ! А в 37-м нам приходилось переживать !! — но ничто не остановило нас ! Правильно сказал вам Константин Александрович: вы должны выступить публично и ударить по западной пропаганде. Идите в бой против врагов нашей страны ! Вы понимаете, что в мире существует термоядерное оружие, и, несмотря на все наши мирные усилия, Соединенные Штаты могут его применить ? Как же нам, советским писателям, не быть солдатами ?

СОЛЖЕНИЦЫН. Я повторно заявляю, что обсуждение « Пира победителей » является недобросовестным, и настаиваю, чтобы это было исключено из рассмотрения !

СУРКОВ. На чужой роток не накинешь платок !

КОЖЕВНИКОВ. Большой промежуток времени от письма Солженицына до сегодняшнего обсуждения свидетельствует как раз о серьезности отношения Секретариата к письму. Если бы обсуждали его тогда, по горячим следам, мы бы отнес-

лись острее и менее продуманно. Мы решили сами убедиться, что это за антисоветские рукописи. Я потратил много времени на их чтение. Повидимому, документально доказана военная служба Солженицына, но мы обсуждаем сейчас не офицера, а писателя. Я сегодня впервые услышал, что Солженицын отказывается от пасквильного изображения советской действительности в « Пире победителей », но я не могу отказаться от своего первоначального впечатления от этой пьесы. Для меня момент отказа Солженицына от « Пира победителей » еще не совпал с моим восприятием этой пьесы. Может быть потому, что и в « Круге первом » и в « Раковом корпусе » есть ощущение той же мести за пережитое. И если стоит вопрос о судьбе этих произведений, то автор должен помнить, что он обязан тому органу, который его открыл. Я когда-то первый выступил с опасениями по поводу « Матрениного двора ». Мы тратили время, читали ваши сырые рукописи, которые вы не решались даже дать ни в какую редакцию. « Раковый корпус » вызывает отвращение от обилия натурализма, от нагнетения всевозможных ужасов, но все-таки главный план его — не медицинский, а социальный, и он-то неприемлем. И как будто сюда же относится и название вещи. Своим вторым письмом вы вымогаете публикацию своей недоработанной повести. Достойно ли такое вымогательство писателя ? Да все у нас писатели охотно прислушиваются ко мнению редакторов и не торопят их.

СОЛЖЕНИЦЫН (буквально): « Несмотря на мои объяснения и возражения, несмотря на полную бессмыслицу обсуждать произведение, написанное 20 лет назад, в другую эпоху, в несрав-

нимой обстановке и другим человеком, к тому же никогда не опубликованное, никем не читанное и выкраденное из ящика, — часть ораторов сосредотачивается именно на этом произведении. Это гораздо бессмысленнее, чем, например, на 1-м съезде писателей поносить бы Максима Горького за «Несвоевременные мысли» или Сергеева-Ценского за осваговские корреспонденции, которые ведь были опубликованы, и лишь за 15 лет до того. Здесь сказал Корнейчук, что «такого не было и не будет, и в истории русской литературы такого не было». Вот именно!

ОЗЕРОВ. Письмо съезду оказалось политически странным актом. Оно прежде всего пошло к врагам. В письме были вещи неправильные. В той же куче с несправедливо репрессированными писателями оказался и Замятин. По поводу печатания «Ракового корпуса» можно условиться с «Новым миром»: вещь может идти лишь при условии исправления рукописи и дискуссии по проведенным исправлениям. Тут предстоит еще очень серьезная работа. Повесть разностойна по качеству, есть в ней и удачи и неудачи. Особенно приходится возражать против плакатности, карикатурности. Я просил бы о целом ряде купюр по повести, о которых сейчас здесь просто нет времени говорить. Философия нравственного социализма не просто принадлежит герою, она звучит как отстаиваемая автором. Это недопустимо.

СУРКОВ. Я тоже читал «Пир победителей». Ее настроение: «да будьте вы все прокляты!» И в «Раковом корпусе» продолжает звучать то же. Кто из всех персонажей вошел в мир героя? Только этот странный Шулубин, так же похожий на коммуниста, как я на... (пропуск), Шулубин,

с его бесконечно устарелыми взглядами. Не буду скрывать, я человек начитанный. Все эти экономические и социальные теории я хорошо знаю, нюхал я и Михайловского, и Владимира Соловьева, и это наивное представление, что экономика может зависеть от нравственности. Претерпев столько, вы имели право обидеться как человек, но вы же писатель! Знакомые мне коммунисты имели, как вы выражаетесь, вышку, но это несколько не повлияло на их мировоззрение. Нет, повесть эта (не?) физиологическая, это — политическая повесть, и упирается она в вопрос концепции. И потом этот идол на театральной площади, хотя памятник Марксу еще не был тогда поставлен. Если ваш «Раковый корпус» будет напечатан, эта вещь может быть поднята против нас и будет посильней мемуаров Светланы. Да, конечно, надо было бы предупредить появление повести на Западе, но — трудно. Вот я был последнее время близок к Анне Андреевне Ахматовой, знаю: дала она нескольким людям почитать «Реквием», походил он несколько недель и сразу напечатан на Западе. Конечно, наш читатель уже настолько развит и настолько искушен, что его никакая книжка не уведет от коммунизма, а все-таки произведения Солженицына для нас опасней Пастернака: Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это — идейный человек. Мы — первая революция в истории человечества, не сменившая ни лозунгов, ни знамен! «Нравственный социализм» — это довольно обывательский социализм, старый, примитивный и (в сторону Салынского) не знаю, как можно в этом не разобраться, что-то тут найти.

САЛЫНСКИЙ. Да я его не защищаю вовсе.

РЮРИКОВ. Солженицын пострадал от тех, кто его заклеветал, но он пострадал и от тех, кто его чрезмерно захваливает и приписал ему качества, которых у него нет. Солженицыну, если отказываться, то и от — «продолжателя русского реализма». Поведение маршала Рокоссовского, генерала Горбатова — честнее, чем ваших героев. Источник энергии этого писателя — в озлоблении, в обидах. По-человечески можно это понять. Однако, вы пишете, что ваши вещи запрещают? Да цензура не прикоснулась ни к одному из ваших романов! Удивляюсь, почему Твардовский испрашивает разрешения у нас. Вот я же, например, никогда не просил у Союза писателей разрешения — печатать или не печатать. (Просит Солженицына отнестись с доверием к рекомендациям «Нового мира» и обещает от «любого из присутствующих» постраничные замечания по «Раковому корпусу»).

БАРУЗДИН. Я как раз принадлежу к тем, кто с самого начала не разделял восхищения произведениями Солженицына. Уже «Матренин двор» намного слабее первой его вещи. А в «Круге первом» очень много слабого, так убого наивно и примитивно показан Сталин, Абакумов и Поскребышев. «Раковый же корпус» — антигуманистическая вещь. Конец повести подводит к тому, что «по другому надо было идти пути». Неужели Солженицын мог рассчитывать, что его письмо «вместо выступления» так-таки сразу и прочтут на съезде? Сколько съезд получил писем?

БОРОНКОВ. Около пятисот.

БАРУЗДИН. Ну! И разве можно было в них быстро разобраться? Я согласен с Рюриковым:

это правильно, что вопрос о разрешении поставлен на Секретариате. Наш Секретариат должен чаще превращаться в советнический орган и охотно давать советы редакторам.

АБДУМОМУНОВ. Это очень хорошо, что Солженицын нашел мужество отказаться от « Пира победителей ». Найдет он мужество и подумать, как выполнить предложение Федина. Если мы выпустим в свет « Раковый корпус » — еще будет больше шума и вреда, чем от его первого письма. И что это значит — « насыпал табаку в глаза макакорезус — просто так » ? Как это — просто так ? Это — против всего нашего строя высказывание. В повести есть Русановы, есть великомученики от лагеря — и только ? А где же советское общество ? Нельзя так сгущать краски, нельзя подавать повесть так беспросветно. Много длиннот, поворотов, натуралистических сцен — все это надо убрать.

АБАШИДЗЕ. Успел прочесть только 150 страниц « Ракового корпуса », поэтому глубокого суждения иметь не могу. Но не создано такого впечатления, чтоб этот роман нельзя было печатать. Но, повторяю, глубокого суждения иметь не могу. Может быть самое главное там дальше. Мы все, честные и талантливые писатели, всегда боролись против лакировщиков, даже когда нам это запрещали. Но у Солженицына есть опасность впасть в другую крайность: у него места чисто очеркового разоблачительного характера. Художник — как ребенок, он разбирает машину, чтобы посмотреть, что внутри. Но истинное искусство начинается со сборки. Я замечаю, как он спрашивает у соседа фамилию каждого оратора. Почему он нас никого не знает ? Потому что мы его ни-

когда не приглашали. Правильно предложил Константин Александрович: пусть сам Солженицын ответит на клевету, может быть сперва по внутреннему употреблению.

БРОВКА. В Белоруссии много людей, тоже сидевших — например, Сергей Граховский, тоже отсидел 20 лет. Но они поняли, что не народ, не партия, не советская власть виноваты в беззакониях. Записки Светланы Аллилуевой — это бабья болтовня, народ уже раскусил и смеется. А тут перед нами — общепризнанный талант, вот в чем опасность публикации. Да, вы чувствуете боль своей земли, и даже чрезмерно. Но вы не чувствуете ее радости. « Раковый корпус » — слишком мрачно, печатать нельзя. (Как и все предыдущие и последующие ораторы, поддерживает предложение К. А. Федина: Солженицын должен выступить в печати против западной клеветы по поводу его письма).

ЯШИН (ругает « Пир победителей »). Автор — не измученный несправедливостью, а отравлен ненавистью. Люди возмущаются, что есть среди Союза писателей такой писатель. Я хотел предложить его исключить из Союза. Не он один пострадал, но другие понимают трагедию лучше. Вот, например, молодой Икрамов. В « Раковом корпусе » — конечно, рука мастера. Автор знает предмет лучше любого врача и профессора. Но вот за блокаду Ленинграда он обвиняет, кроме Гитлера, « еще других ». Кого это ? — непонятно. Берия ? (Все же оратор поддерживает « мужественное решение Твардовского поработать над этой повестью с автором ». А после этого можно будет дать посмотреть узкому кругу).

КЕРБАБАЕВ. Читал « Раковый корпус » с боль-

шим неудовольствием. Все — бывшие заключенные, все — мрачно, ни одного теплого слова. Просто тошнит, когда читаешь. Вера предлагает герою свой дом и свои объятия, а он отказывается от жизни. Потом это « девяносто девять плачут, один смеется » — это как понять ? Это — про Советский Союз ? Я согласен с тем, как говорил мой друг Корнейчук. Почему автор видит только черное ? А почему я не пишу черное ? Я всегда стараюсь писать только о радостном. Это мало, что он от « Пира победителей » отказался. Я считал бы мужеством, если б он отказался от « Ракового корпуса » — вот тогда я б обнял его как брата.

ШАРИПОВ. А я б ему скидку не дал, я б его из Союза исключил ! В пьесе у него все советское представлено отрицательно и даже Суворов. Совершенно согласен: пусть откажется от « Ракового корпуса ». Наша республика освоила целинные и залежные земли и идет от успеха к успеху.

НОВИЧЕНКО. Письмо съезду разослано с недопустимым обращением через голову формального адресата. Присоединяюсь к строгим словам Твардовского, что мы эту форму должны решительно осудить. Не согласен с главными требованиями письма: нельзя допускать все печатать. Это что ж тогда — и « Пир победителей » печатать ? По поводу « Ракового корпуса ». Сложное испытываю отношение. Я — не ребенок, мне тоже придется умирать и может быть в таких же мучениях, как герою Солженицына. И здесь-то важнее всего будет: какова твоя совесть ? каковы твои моральные резервы ? И если бы роман ограничивался этим, я бы считал нужным печатать. Но — низкопробное вмешательство в нашу литературную жизнь — карикатурная сцена с дочкой Русанова.

Идейно-политический смысл нравственного социализма — это отрицание марксизма-ленинизма. Потом эти слова Пушкина — « Во всех стихиях человек Тиран, предатель или узник » — это оскорбительная теория... Все эти вещи категорически неприемлемы ни для нас, ни для нашего общества и народа. Судьями общества в повести взяты все пострадавшие, это оскорбительно. Русанов — отвратный тип, правдиво изображен. Но недопустимо, что он становится из типа — носителем и выразителем всего нашего официального общества. Коробит частое употребление имени Горького в этих подлейших и грязнейших русановских устах. Даже если роман будет доведен до определенной кондиции — он не станет романом соцреализма, но будет явлением, талантливым произведением. Прочел я и «Пир победителей» — и что-то по-человечески надломилось по отношению к автору. Надо преодолеть всяческие корешки, ведущие от этой пьесы.

МАРКОВ. Состоялось ценное обсуждение. (Оратор только что приехал из Сибири, 5 раз выступал перед массовой аудиторией). Надо сказать, никакого особенного ажиотажа вокруг имени этого автора нигде нет. Только в одном месте подали записку — я прошу извинения, но именно так было написано: « А когда этот Солженицын перестанет поносить советскую литературу ? » Мы ждем от Солженицына совершенно честного ответа на буржуазную клевету, ждем выступления в печати. Он должен защитить свою честь как советского писателя. Заявлением о « Пире победителей » он снял с моей души камень. « Раковый корпус » я оцениваю как и Сурков. Вещь стоит все-таки в каком-то практическом плане. Совер-

шенно не приемлю в ней всех общественно-политических законов. « Кто-то сделал » — безвестные адреса. При установившемся добром сотрудничестве между « Новым миром » и Александром Исаевичем эта повесть может быть дописана, хотя и потребуются очень серьезная работа. А сегодня пускать в набор, конечно, нельзя. Что же дальше? Конструктивно: А. И. готовит такое выступление в печати, о котором тут все говорили, очень хорошо будет как раз в преддверии праздника — а уж потом возможно будет какое-то коммюнике со стороны Секретариата. Все же я продолжаю считать его нашим товарищем. Но в сложной ситуации мы, А. И., оказались по **вашей** вине, а не вине, а не по чьей другой. Предложения об исключении из союза? — при тех началах товарищества, которые должны сложиться, мы не должны торопиться.

СОЛЖЕНИЦЫН. Уже несколько раз я выступал сегодня против обсуждения « Пира победителей », но приходится опять о том же. В конце концов, я могу упрекнуть вас всех в том, что вы — не сторонники теории развития, если серьезно предполагаете, что за 20 лет и при полной смене обстоятельств человек не меняется. Но тут я услышал и более серьезную вещь. Корнейчук, Баруздин и еще кто-то высказались так, что « народ читает « Пир победителей », будто эта пьеса распространяется. Я сейчас буду говорить очень медленно, пусть каждое слово мое будет записано точно. Если « Пир победителей » пойдет широко по рукам или будет напечатан, я торжественно заявляю, что **вся ответственность** за это ляжет на ту организацию, которая использовала **единственный сохранившийся, никем не читанный эк-**

земляр этой пьесы. Организация делает это при моей жизни и против моей воли: это она распространяет пьесу ! Я полтора года непрестанно предупреждал, что это очень опасно ! Я предполагаю, что у вас там не читальный зал, а пьесу дают на руки, ее возят домой, а там есть сыновья и дочери, и не все ящики запираются на замок — я предупреждал. И сейчас предупреждаю !

Теперь о « Раковом корпусе ». Упрекают уже за название, говорят, что рак и раковый корпус — не медицинский предмет, а некий символ. Отвечу: подручный же символ, если добыть его можно, лишь пройдя самому через рак и все стадии умирания. Слишком густой замес — для символа, слишком много медицинских подробностей — для символа. Я давал повесть на отзыв крупным онкологам — они признали ее с медицинской точки зрения безупречной и на современном уровне. Это именно рак, рак как таковой, каким его избегают в увеселительной литературе, но каким его каждый день узнают больные, в том числе ваши родственники, а может быть вскоре и кто-нибудь из присутствующих ляжет на онкологическую койку и поймет, какой это « символ ».

Совершенно не понимаю, когда « Раковый корпус » обвиняют в антигуманистичности. Как раз наоборот — это преодоление смерти жизнью, прошлого будущим, я по свойствам своего характера иначе не взялся бы и писать. Но я считаю, что задачи литературы и по отношению к обществу и по отношению к отдельному человеку не в том заключаются, чтобы скрывать от него правду, смягчать ее, а говорить истинно то, как оно есть, как ждет его. И в русских пословицах мы слышим то же правило :

Не любви понововщика, любви спорщика.
Не тот доброхот, у кого на устах мед.

Да вообще задачи писателя не сводятся к защите или критике того или иного способа распределения общественного продукта, к защите или критике той или иной формы государственного устройства. Задачи писателя касаются вопросов более общих и более вечных. Они касаются тайн человеческого сердца и совести, столкновения жизни и смерти, преодоления душевного горя и тех законов протяженного человечества, которые зародились в незапамятной глубине тысячелетий и прекратятся лишь тогда, когда погаснет солнце.

Меня огорчает, что некоторые места в повести товарищи прочли просто невнимательно, и отсюда родились извращенные представления. Уж этого быть не должно. Вот « девяносто девять плачут, один смеется » — это ходовая лагерная пословица; к тому типу, который лезет без очереди, Костоглотов подходит с этой пословицей, чтобы дать себя опознать, и только. А тут делают вывод, что это — про весь Советский Союз. Или — макака-резус, она два раза там встречается, и из сопоставления ясно, что под злым человеком, насыпавшим табаку в глаза, подразумевается конкретно Сталин. А что мне возражали, что не « просто так »? Но если не « просто так » — так значит это было закономерно? Необходимо? Удивил меня Сурков, я даже не мог сразу понять, почему он заговорил о Марксе, где он там у меня в повести? Ну, Алексей Александрович! Вы же — поэт, человек с тонким художественным вкусом, и вдруг ваше воображение дает такой промах, вы не поняли этой сцены? Шулубин приводит учение Бекона, в его терми-

нологии, он говорит «идолы рынка» — и Костоглотов пытается это себе представить: рынок, а посреди возвышается сизый идол; Шулубин говорит — «идолы театра» — и Костоглотов представляет идола внутри театра, нет, не лезет, так значит на театральной площади. И как же вы могли вообразить, что речь идет о Москве и о памятнике Марксу, еще не поставленном . . ?

Сказал товарищ Сурков, что несколько недель понадобилось «Реквиему» походить по рукам — и он оказался за границей. А «Раковый корпус» ходит (1-ая часть) уже больше года. Вот это-то меня и беспокоит, вот потому я и тороплю Секретариат. Еще тут был мне совет товарища Рюрикова — отказаться от продолжения русского реализма. Вот от этого — руку на сердце положи — никогда не откажусь.

РЮРИКОВ. Я не сказал — отказаться от продолжения русского реализма, а от истолкования этой роли на Западе, как они делают.

СОЛЖЕНИЦЫН. Теперь относительно предложения Константина Александровича. Ну, конечно же, я его приветствую. Именно публичности я и добиваюсь все время! Довольно нам таиться, довольно нам скрывать наши речи и прятать наши стенограммы за семью замками. Вот было обсуждение «Ракового корпуса». Решено было секцией Прозы — послать стенограмму обсуждения в заинтересованные редакции. Куда там! Спрятали, еле-еле согласились мне-то дать, автору. И сегодняшнюю стенограмму — я надеюсь, Константин Александрович, получить ее?

Спросил К.А.: «В интересах чего печатать ваши повести?» По-моему, это ясно: в интересах отечественной литературы. Но странно говорит К.А.,

что развязать ситуацию должен я. У меня связаны руки и ноги, заткнут рот — и я же должен развязать ситуацию? Мне кажется, это легче сделать могучему Союзу писателей. Мне каждую строчку вычеркивают, а у Союза в руках вся печать. Я все равно не понимаю и не вижу, почему мое письмо не было зачтено на съезде. Теперь К.А. предлагает бороться не против причин, а против следствий, против шума на Западе вокруг моего письма. Вы хотите, чтобы я написал опровержение — а чего именно? Не могу я вообще выступить по поводу ненапечатанного письма. А главное: в письме моем есть общая и частная части. Должен ли я отказаться от **общей** части? Так я и сейчас все так же думаю, и ни от одного слова не отказываюсь. Ведь это письмо — о чем?

ГОЛОСА. О цензуре.

СОЛЖЕНИЦЫН. Ничего вы тогда не поняли, если — о цензуре. Это письмо — о судьбах нашей великой литературы, которая когда-то покорила и увлекла мир, а сейчас утратила свое положение. Говорят нам с Запада: умер роман, а мы руками машем и доклады делаем, что нет, не умер. А нужно не доклады делать, а романы опубликовывать, — такие, чтоб там глаза зажмурили, как от яркого света, притихнет тогда «новый роман», и окостенеют «нео-авангардисты». От общей части своего письма я не собираюсь отказываться. Должен ли я, стало быть, заявить, что несправедливы и ложны восемь пунктов частной части моего письма? Так они все справедливы. Должен ли я сказать, что часть пунктов тоже устранена, исправляется? Так ни один не устранен, не поправлен. Что же мне можно заявить? Нет, это вы расчистите мне сперва хоть малую дорожку для такого заявления:

опубликуйте, во-первых, мое письмо, затем — коммюнике Союза по поводу письма, затем укажите, что из восьми пунктов исправляется — вот тогда и я смогу выступить, охотно. Мое сегодняшнее заявление о « Пире победителей », если хотите, тогда печатайте тоже, хотя я не понимаю ни обсуждения украденных пьес, ни опровержения непечатанных писем. 12 июня здесь, в Секретариате, мне заявили, что коммюнике будет напечатано без всяких условий — а сегодня уже ставят условия. Что изменилось ?

Запрещается моя книга « Иван Денисович ». Продолжается и вспыхивает все новая против меня клевета. Опровергать ее можно вам, но не мне. Только то меня утешает, что ни от какой клеветы я инфаркта не получу никогда, потому что закалили меня в сталинских лагерях.

ФЕДИН. Нет, очередность не та. Первым публичным выступление должно быть ваше. Получив столько одобрительных замечаний вашему таланту и стилю, вы найдете форму, сумеете. Сперва мы, а потом вы — такая реплика не имеет твердого основания.

ТВАРДОВСКИЙ. А само письмо будет при этом опубликовано ?

ФЕДИН. Нет, письмо надо было публиковать тогда, во-время. Теперь нас заграница обогнала, зачем же теперь ?

СОЛЖЕНИЦЫН. Лучше поздно, чем никогда. И из моих восьми пунктов ничего не изменится ?

ФЕДИН. Это потом уже посмотрим.

СОЛЖЕНИЦЫН. Ну, я уже ответил, и все, надеюсь, застенографировано точно.

СУРКОВ. Вы должны сказать, отмежевываетесь ли вы от той роли лидера политической оппо-

зиции в нашей стране, которую вам приписывают на Западе ?

СОЛЖЕНИЦЫН. Алексей Александрович, ну, уши вянут такое слышать — и от вас: художник слова — и лидер политической оппозиции ! Как это вяжется ?

НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ, настаивающих, чтобы Солженицын принял сказанное Фединым. **ГОЛОСА.** Он подумает ! . . **СОЛЖЕНИЦЫН** еще раз говорит, что такое выступление ему первому невозможно, отечественный читатель и не будет знать, о чем речь.

*Изложение выступления гл. редактора
газеты « Правда », Зимянина М. В.,
в Ленинграде, в Доме прессы,
5 октября 1967 г.*

На вопрос о состоянии литературы. Последнее время в западной печати усиленно муссируются имена некоторых наших литераторов, выступления которых льют воду на мельницу наших врагов. Кампания печати западных стран в защиту и по поводу Тарсиса закончилась лишь тогда, когда его заполучили на Западе и убедились сами, что он сумасшедший.

Сейчас большое место в пропаганде капиталистических государств занимает Солженицын. Это тоже психически ненормальный человек, шизофреник. Он был в плену, а затем за дело или без дела был репрессирован. Свою обиду на власть он высказывает в своих произведениях. Лагерная тема — единственная в его творчестве, и он не может выйти за ее пределы. Она, эта тема, его навязчивая идея. Произведения Солженицына направлены против советского строя. Он выискивает в нем только язвы и раковые опухоли. Ничего положительного в нашем обществе он не замечает.

Мне по роду службы приходится читать и неопубликованные произведения и я читал пьесу

Солженицына «Пир победителей». В пьесе речь идет о репрессиях, которые обрушились на вернувшихся с фронта. Это самое настоящее антисоветское произведение. За такие в прежние времена сажали.

Понятно, что мы не можем его печатать. Требование Солженицына о том, чтобы его произведения печатались удовлетворено быть не может. Будет писать произведения отвечающие интересам нашего общества, — будут его и печатать. Куска хлеба его никто не лишает. Солженицын — преподаватель физики, вот и пусть себе преподает. Он очень любит публичные выступления и часто выступает в различных аудиториях с чтением своих произведений. Такая возможность ему дается. Считает себя гениальным писателем.

Среди других имен, которые наиболее часто упоминаются в западной прессе следует назвать Евтушенко и Вознесенского. У нас прекрасная поэзия и очень много поэтов, пишущих замечательные стихи. Но на Западе почитают, в основном, только этих двоих, потому что находят в их творчестве выгодные моменты для своей пропаганды. Мы не можем, конечно, творчество этих поэтов, как Солженицына, считать антисоветскими. Они пишут и хорошие патриотические произведения. Они тоже и не так молоды, хотя их все считают молодыми, но творчество их недостаточно политически зрело. Поэтому они иногда и льют воду на мельницу наших врагов. Я знаком с ними и говорил с ними об этом. Но они тоже вообразили себя гениями.

Вот Евтушенко. Как то на узком совещании секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов покритиковал его. Так Евтушенко ответил ему ударом в четверо

более сильным, в десять раз более сильным. Он высмеял его в стихотворении¹. Тем самым, он навечно навесил на него клеймо, которое теперь ничем не смоешь. Это нечестный прием.

История с Вознесенским. В прошлом году он ездил в США, выступал там перед широкой аудиторией. Его выступления пользовались успехом и были выгодны ему материально. Он собрался снова ехать и в этом году в турне по городам Америки. Поездка была уже решена, рекламировалась в США, и в американском посольстве Вознесенскому была заказана виза. В это время разразилась война на Ближнем Востоке. Наши отношения с США ухудшились. В правлении Союза писателей Вознесенскому прозрачно намекнули, что лучше бы ему не ездить сейчас в США. Одновременно правление сообщило о том, что поэт болен, в посольстве США.

Что же сделал Вознесенский? Приезжаю я утром в понедельник в редакцию, просматриваю почту. Письмо от Вознесенского с обвинениями в адрес Союза писателей. Звоню ему домой. Отвечают, что уехал, а куда неизвестно. Звоню в ЦК. Там говорят, что и у нас есть письмо от Вознесенского и что они звонили ему домой, но не смогли разыскать. День проходит, другой. Вознесенского все нет. Вдруг узнаю, что Би-Би-Си передавало письмо Вознесенского в «Правду». Через неделю только он объявился. Оказывается отсиживается на даче под Москвой. Пригласили его к себе. Отрицает, что передал письмо западным корреспондентам.

¹ Его «Письмо Есенину» (Ред.).

Я сказал ему, что на первый раз может быть пожурят его и тем ограничатся. Но если еще случится подобное, то его в порошок сотрут. Я сам позабочусь, чтобы от него мокрого места не осталось.

Некоторые считают, что надо было бы опубликовать его письмо и дать ему ответ. Но к чему всю эту грязь выносить на всеобщее обсуждение ?

Письмо Секретариата правления Союза писателей СССР Солженицыну.

(Москва, 25.11.67).

22 сентября секретариат Правления ССП обсуждал Ваши письма. Из обсуждений Вы имели возможность узнать отношение к Вам и Вашей литературной деятельности писательской общественности СССР. Резолюции тогда принято не было. Считалось, что Вы обдумаете ход обсуждения и примете соответствующие решения. Секретариату хотелось бы знать, к какому решению Вы пришли.

Секретарь К. Воронков.

*
**

*Ответ Солженицына Секретариату
правления Союза писателей СССР,
Рязань 1.12.1967 г.*

В СЕКРЕТАРИАТ ССП СССР

Из Вашего № 3142 от 25 ноября 1967 года я не могу понять:

1. Намеревается ли секретариат защитить меня от непрерывной трехлетней (мягко было бы назвать ее недружественной) клеветы у меня на родине? (Новые факты: 5-го октября 67 года в Ленинграде, в Доме прессы при многолюдном стечении слушателей, главный редактор «Правды» Зимянин повторил надоевшую ложь, что я был в плену, а также нащупывал избитый прием против неугодных, объявив меня шизофреником, а лагерное прошлое — навязчивой идеей; лекторы МГК выдвинули новые лживые версии о том, будто я «сколачивал в армии» то ли «пораженческую», то ли «террористическую» организацию, непонятно, почему не увидела этого в деле Военная Коллегия Верховного Суда).

2. Какие меры принял секретариат, чтобы отменить незаконный запрет моих печатных произведений в библиотечном пользовании и цензурное распоряжение изымать мою фамилию из упоминаний в критических статьях? (В «Вопросах ли-

тературы» так поступали даже... в переводе японской статьи. В Пермском университете подвергнута санкциям группа студентов, пытавшихся обсуждать мои печатные произведения в своем научном сборнике).

3. Хочет ли секретариат предотвратить бесконтрольное появление «Ракового корпуса» за границей или он остается равнодушным к этой опасности? Делаются ли какие-нибудь шаги для печатания отрывков из повести в «Литературной газете», а всей повести в «Новом мире»?

4. Нет ли у секретариата намерения ходатайствовать перед Правительством о присоединении нашей страны к международной конвенции о защите авторских прав? Тем самым наши авторы получили бы надежное средство защиты своих произведений от незаконных зарубежных изданий и бесстыдной коммерческой гонки переводов.

5. За прошедшие полгода от моего письма Съезду прекращено ли, наконец, распространение незаконного «издания» отрывков из моего архива и уничтожено ли это «издание»?

6. Какие меры принял секретариат к возвращению мне изъятого архива и романа «В круге первом», кроме публичных заверений, что они тоже якобы возвращены (секретарь Озеров, например)?

7. Принято или отвергнуто секретариатом предложение К. Симонова издать сборник моих рассказов?

8. Почему я до сих пор не получил стенограмму заседания Секретариата от 22 сентября для ее изучения?

Я был бы очень признателен за разъяснение этих вопросов.

1. 12. 67

А. Солженицын.

Письмо редактора « Нового мира »

А. Т. Твардовского секретарю ССП

К. А. Федину.

Дорогой К. А. !

Пишу вам после нашего — какого уже счетом ! — собеседования в Секретариате по вопросу, связанному с письмом А. И. Солженицына . . .

Начну с главного: о ком или о чем, в сущности, идет речь, когда мы касаемся этого до сих пор не решенного « солженицынского » вопроса, который питает неумолкающие и никак не сказать, чтобы выгодные для руководства Союза писателей толки и перетолки в литературных — и не только литературных — кругах.

Вряд ли кто возразит против того факта, что фигура А. И. Солженицына с особой резкостью вычерчивается на общем литературном фоне, что этот писатель вызывает к себе особо горячие симпатии — с одной стороны — и особо жестокую неприязнь — с другой. Не будем покамест спорить, какая сторона преобладает, просто отметим самый факт, свидетельствующий по крайней мере об очевидной незаурядности этой фигуры.

Действительно, необычность литературной судьбы А. И. Солженицына, между прочим и в том, что он дебютировал в зрелом возрасте и вполне

зрелым, самостоятельным мастером. « Литературное чудо » — так озаглавил свою рецензию на рукопись « Ивана Денисовича » К. И. Чуковский, многоопытный старец, которого, как говорится, на мякину не приманишь.

Нельзя также не принять во внимание, что Солженицыну, как художнику, совершенно чужды литературные соблазны современного запада, и его никак нельзя упрекнуть стремлением в той или иной форме « потрафить » западу.

Покойный С. Я. Маршак, чьи суждения были так авторитетны в литературном мире, поместил в « Правде » статью об этой правдивой, полной веры в жизнь книге. К. М. Симонов в « Известиях » приветствовал появление в литературе нового, замечательного таланта.

Нет надобности перечислять всех более или менее маститых, своих и зарубежных, тепло или восторженно встретивших первую повесть нового писателя, назову два имени: ваше, К. А., и М. А. Шолохова.

Ваша высокая оценка на рукописи, поступившей в « Новый мир » от безвестного автора, сыграла свою роль в его судьбе: ставя вопрос опубликования ее, я особо ссылаюсь на вас в своем письме на имя тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева (« Иван Денисович », как известно, был напечатан с ведома и одобрения ЦК КПСС).

М. А. Шолохов в свое время также с большим одобрением отозвался об « Иване Денисовиче » и просил меня передать поцелуй автору повести...

(Вслед за первоначальным отношением Федина и Шолохова, Твардовский обстоятельно перечисляет « друзей и недругов Ивана Денисовича » в среде советских писателей и дает следующую оцен-

ку причины, по которой творчество Солженицына оказалось в центре всеобщего внимания).

«Надеюсь не быть понятым так, что я принимаю Солженицына целиком без изъяна и вижу в нем идеальное совершенство художника, недоступного никакой критике, не имеющего никаких слабостей. Но об этом мы всегда успеем поговорить.

Самое важное сейчас и неотложное — понять, что он занимает нас уже не просто сам по себе, — как бы высоко ни оценивался он сам по себе, — а потому, что волею многосложных обстоятельств он находится в перекрестии двух противоположных тенденций общественного сознания в нашей литературе, устремленных либо туда, назад, либо сюда, вперед, — в соответствии с необратимостью исторического процесса.

Так обстоит дело, и что именно так, а не иначе, ближайшим и нагляднейшим образом подтверждается многомесячным прохождением у нас «дела Солженицына», как уже само собой обозначается для краткости содержание длинного ряда узких, расширенных и широких заседаний в Секретариате».

Следует описание происходившего в Союзе Писателей, которое Твардовский считает «бедой» и квалифицирует, как «...безнадежные попытки «закрытым» способом решить вопрос, приобретший огромное общественно-политическое значение, заслонивший все пустопорожнее, за немногими исключениями, словоговорение на съезде писателей, получивший международную огласку и вызвавший неутихающие до сих пор горячие прения в литературной среде, и много шире того. Но решить этот, как его уже называют «вопрос вопросов» сегодняшней деятельности Союза писателей

и вообще дальнейшей литературной жизни путем « келейного » волхования над ним — нельзя. И налицо — попросту топтание на месте, безрезультатные наши пререкания в закрытом помещении и удручающая молчанка вовне, невозможность заключить: что же все-таки думает руководство Союза писателей, с чем оно способно выйти на трибуну к большой аудитории или на страницы печати, чтобы, наконец, закрыть « дело ».

Выходит, что Солженицын со своими претензиями к Союзу писателей готов в любой час выступить в любой аудитории или в печати, а Союз писателей со своим осуждением или отвержением этих претензий — не может сделать ничего подобного, конечно же потому, что не может рассчитывать на открытое одобрение или сочувствие ни читателей, ни писателей. Так или не так, К. А. ? Именно так, и это ужасно.

И до крайности огорчает позиция, занятая вами в последнее время в отношении этого « дела » . . .

Твардовский с решительностью осуждает « предложение » М. А. Шолохова, без обиняков, высказанное им в его письме: « не допускать Солженицына к перу », а равно выдвинутое устами Федина требование к нему отмежеваться от Запада.

« Продолжая настаивать, что Солженицын должен « заклеить Запад », « отмежеваться от заграницы » и т. п., мы пропускаем мимо ушей недвусмысленное заявление Солженицына на расширенном заседании Секретариата по этому поводу:

« Здесь употребляют слово « заграница », как какую-то важную инстанцию, чьим именем очень дорожат. Я никакой заграницы не видел, не знаю, и жизненного времени у меня нет — узнавать ее.

Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с границей, а не со своей страной, с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней я пишу».

Но далее. Мне предлагалось «употребить свое влияние на Солженицына» в том смысле, чтобы склонить его к выступлению против «западных» комментаторов его «Письма». Во-первых, не следует преувеличивать мое влияние на него, он вовсе не является «подшефным» мне «молодым» автором, в этом году ему, между прочим, исполнилось 50, — словом, он «сам с усом», как говорится. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что «западные комментаторы» и в данном случае разные. «Отповедь», предназначенная для врагов и злопыхателей советской литературы и советской страны, не может быть отнесена к нашим друзьям за рубежом, выступившим по поводу «письма» Солженицына, скажем, на страницах коммунистической печати. Что мы тут можем потребовать от Солженицына? Чтобы он заодно «заклеймил» и тех и этих комментаторов «Письма»?

Но в последнее время в развитии принципа «закрытости» решения «вопроса вопросов» речь уже идет не о выступлении А. И. Солженицына в печати, а лишь о том, чтобы он «выразил свое отношение» к «западу» письмом в Секретариат, то есть так, что сам тот «запад» и знать ничего не узнает, — письмо лишь будет приобщено к «Делу» и таким образом удовлетворит членов Секретариата, даже настроенных наиболее непримиримо, и откроется возможность печатать роман Солженицына, издавать книгу его рассказов и отвести возводимую на него клевету.

Подумать только, что разрешение всего « солженицынского комплекса » зависит от одной этой негласной « бумаги »! Вот до чего дожили: « бумага » объемом в 1-2 страницы для нас, писателей, важнее готового к печати романа в 600 стр., который стал бы, по убеждению большинства знающих его в рукописи, украшением и гордостью нашей литературы сегодня, — « бумага » важнее судьбы писателя, замечательный талант которого не оспаривают даже самые ярые его противники! . . .

. . . И я думаю, К. А., что, по существу, мы даже более заинтересованы в опубликовании этого романа, чем автор. Дело не только в том, что столь значительное произведение попросту преступно утаивать от широчайших кругов читателей, успешных полюбить Солженицына, и что роман уже распространился, может быть, в тысячах списков среди наиболее дотошных читателей. Но роман, как мне известно из достоверных источников, на днях может выйти в свет (если уже не вышел) во Франции и готовится к печати в Италии. Этими внешними обстоятельствами нельзя пренебрегать, не хватает нам еще повторения истории с Пастернаком! — но и внутренние, не менее серьезные. Роман, задержанный сейчас в стадии набора первых восьми глав, предназначенных для январской книжки « Нового мира », становится во главе целой очереди задержанных (хотя никем не запрещенных) таких крупных и ценных произведений, как « 100 суток войны » К. Симонова, роман А. Бека « Новое назначение », работа Е. Драбкиной, посвященная последним годам жизни Ленина, — « Зимний перевал », — перечень можно было бы еще продолжить.

Опубликование « Ракового корпуса » — которое

само по себе явилось бы событием литературной жизни, рассосало бы образовавшуюся из задержанных рукописей « пробку », как это бывает на дороге, когда головная машина тронется. Это было бы бесспорным благом для советской литературы на нынешнем ее, скажем прямо, кризисном, весьма невеселом этапе, разрядило бы атмосферу глухой « молчанки », тяжелых недоумений, неясности, бездейственного выжидания . . .

Популярность Солженицына, основанная на его опубликованных вещах, теперь необычайно возрастает по ознакомлению довольно широких читательских кругов с его неопубликованными произведениями. Винить в этом автора, как вы знаете, невозможно. И трудно сказать, каков уже рукописный тираж того же « Ракового корпуса » или « Круга первого », романа вообще незавершенного.

Следует также учесть, что рукопись книги неопубликованной, в известных случаях, привлекает более острый интерес, чем отпечатанная книга, да и нет гарантии, что в рукопись не вносится чего-нибудь постороннего авторскому тексту.

Дорогой Константин Александрович !

Я вовсе не так наивно самонадеян, чтобы предполагать, что вы, вняв моим « увещаниям », вдруг прослезитесь и измените свою точку зрения по « делу Солженицына » и примете иное, чем нынешнее, решение. Но я не сомневаюсь, что вы должны будете это сделать просто по велению надвинувшихся обстоятельств: нужда заставит калачи есть.

« А что я могу поделать ? » — возразили вы мне как-то на мой упрек в неправомерности и заведомой невыполнимости ваших требований к Солженицыну. Это было на заседании, где мы сидели рядом, и я не помню, что я тогда сказал, но эти

ваши слова запомнил: в них была растерянность, недовольство собой и всеми нами.

А делать можно одно: поступать согласно собственному разуму и совести. Не могу же я предположить, что вы несете бремя внешних воздействий или понуждений. Слава Богу, не те времена, чтобы только «перст указующий» решал специфические вопросы искусства и науки, оставляя втуне мнения и соображения людей, как говорится, хлеб приевших по этой специфической части. Какие мы ни есть — худые ли, хорошие — нам, не кому другому извне, решать вопросы литературной жизни. «Прямых указаний», по нынешнему времени, ждать не приходится, — их не будет, и это благо, о котором вам в иные времена и не мечталось, и мы должны пользоваться этим благом, откинув опасения и не освобождая себя от ответственности...»

К концу письма Твардовский становится все более патетичным. Он сожалеет, что «вынужден говорить вам слова жестокие, может быть обидные для вас» и уверяет, что «резкость моя была вызвана непонятной для меня раздражительностью, с которой вы говорили об А.И. Солженицыне».

«Нельзя же так говорить об этом человеке и писателе, заплатившем за каждую свою страницу и строку, как никто из нас, судящих и рядящих сейчас — что с ним делать. Он прошел высшие испытания человеческого духа — войну, тюрьму и смертельную болезнь. А теперь на него после столь успешного вступления в литературу свалились, может быть, не меньше испытания, мягко выражаясь, внелитературных воздействий, — негласного политического ostrакизма; прямой клеветы; запрещения упоминать его имя в печати и

т. п. Чего стоит, по совести говоря, использование в целях обвинения найденной в его бумагах, изъятых «специальным» способом, его рукописной пьесы, написанной свыше 20 лет назад, в лагерном аду, безфамильным арестантом Ц-232, а не членом Союза писателей СССР А. Солженицыным, и размноженной для ознакомления с ней, как якобы самоновейшим произведением писателя!

Да, я осуждаю форму его «Письма», но, по человечеству, и здесь не могу бросить в него камень, понимая степень отчаяния, понудившего его на этот шаг.

Третьего дня от стола, за которым я сидел над этим письмом, меня отвлек звонок из Гослитиздата: «В статье о Маршаке, помещенной в пятом томе вашего собрания сочинений, есть упоминание фамилии Солженицына. Мы имеем указание» и так далее.

Я, разумеется, отказался исключить это упоминание, хотя бы это угрожало невыходом пятого тома. Но что это такое творится на белом свете!

Кончаю свое послание, как уже сказал, без особых упований на благоприятный практический его результат.

Может быть, в нем что-нибудь не так и не все в равной мере бесспорно. Но написать его было для меня делом долга и совести.

Не рассчитываю я и на ваш ответ, зная, что вам недосуг, да и не в ответе мне нынче дело: ответа, то есть решения, ждет уже столько месяцев «Дело А. И. Солженицына».

Надо кончать с этим делом, дорогой Константин Александрович!

С неизменным уважением, с самыми добрыми пожеланиями

7-15 января 1968 г.

Ваш Твардовский.

*Письмо В. Каверина секретарю Союза
советских писателей,
К. А. Федину.*

Открытое письмо Константину Федину

Мы знакомы сорок восемь лет, Костя. В молодости мы были друзьями. Мы вправе судить друг друга. Это больше, чем право, это — долг. Твои бывшие друзья не раз задумывались над тем, какие причины могли руководить твоим поведением в тех, навсегда запомнившихся событиях нашей литературной жизни, которые одних выковали, а других превратили в послушных чиновников, далеких от подлинного искусства.

Кто не помнит, например, бессмысленной и трагической, принесшей много вреда нашей стране, истории с романом Пастернака. Твое участие в этой истории зашло так далеко, что ты был вынужден сделать вид, что не знаешь о смерти поэта, который был твоим другом и в течение 23 лет жил рядом с тобой. Может быть, из твоего окна не было видно, как его провожала тысячная толпа, как его на вытянутых руках пронесли мимо твоего дома.

Как случилось, что ты не только не поддержал — затоптал «Литературную Москву», альманах, который был необходим нашей литературе. Ведь

накануне полуторатысячного собрания писателей в Доме киноактера ты поддерживал это издание. С уже написанной опасно-предательской речью в кармане, ты хвалил нашу работу, не находя в ней ни тени политического неблагополучия.

Это далеко не все, и я не собираюсь в этом письме подводить итог твоей общественной деятельности, которая широко известна в писательских кругах. Недаром на 75-летию Паустовского твое имя было встречено полным молчанием, не буду удивлен, если теперь, после того как по твоему настоянию запрещен уже набранный в «Новом мире» роман Солженицына «Раковый корпус», первое же твое появление перед широкой аудиторией писателей будет встречено свистом и топотом ног.

Конечно, твоя позиция в литературе должна была в известной мере подготовить этот поразительный факт. Придется шагнуть далеко назад, чтобы найти тот первоначальный сдвиг, с которого начались душевные деформации, необратимые изменения. Годы и годы они происходили как бы в глубине, не входя в разительное противоречие с позицией, которую подчас можно было если не оправдать, то хоть как-то объяснить причинами исторического порядка. Но что толкнуло тебя *теперь* на этот шаг, в результате которого снова тяжело пострадает, наша литература? Неужели ты не понимаешь, что сам факт опубликования «Ракового корпуса» разрядил бы неслыханное напряжение в литературе, подорвал бы незаслуженное недоверие к ней, открыл бы дорогу к другим книгам, которые обогатили бы нашу литературу. Лежит в рукописи превосходный роман А. Бека, сперва разрешенный, потом запрещенный,

но безоговорочно одобренный лучшими писателями страны. Лежат военные дневники К. Симонова. Едва ли найдется хоть один серьезный писатель, у которого не лежала бы в столе рукопись, выношенная, обдуманная и запрещенная по необъяснимым, выходящим за пределы здравого смысла, причинам. За кулисами мнимого благополучия, о котором докладывается по начальству, растет сильная, оригинальная литература — духовное богатство страны, в котором она нуждается настоятельно остро. Неужели ты не видишь, что громадный исторический опыт требует своего воплощения и что ты присоединяешься к тем, кто ради своего благополучия пытается остановить этот неизбежный процесс.

Но вернемся к роману Солженицына. Нет сейчас ни одной редакции, ни одного литературного дома, где не говорили бы, что Марков и Воронков были за опубликование романа и что набор рассыпан только потому, что ты решительно высказался *против*. Это значит, что роман останется в тысячах списков, ходящих по рукам и продающихся, говорят, за немалые деньги. Это значит, что он будет опубликован за границей. Мы отдадим его читающей публике Италии, Франции, Англии, Западной Германии, т.е. произойдет то, против чего энергично и неоднократно протестовал сам Солженицын.

Возможно, что в руководстве Союза писателей найдутся люди, которые думают, что они накажут писателя, отдав его зарубежной литературе. Они накажут его мировой славой, которой наши противники воспользуются для политических целей. Или они надеются, что Солженицын «исправится» и станет писать по-другому? Это смешно по от-

ношению к художнику, который представляет собой редкий пример, который действительно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого.

Но твой шаг означает еще и другое. Ты берешь на себя ответственность, не сознавая, повидимому, всей ее огромности и значения. Писатель, накидывающий петлю на шею другого писателя, — фигура, которая останется в истории литературы, независимо от того, что написал первый, в полной зависимости от того, что написал второй. Ты становишься, может быть, сам того не подозревая, центром недоброжелательства, возмущения, недовольства в литературном кругу.

Измениться это может только в том случае, если ты найдешь в себе силу и мужество, чтобы отказаться от своего решения.

Ты понимаешь, без сомнения, как трудно мне было написать тебе это письмо. Но промолчать я не имею права.

В. Каверин

25 января 1968 г.

*
**

Письмо А. И. Солженицына.

16 апреля 1968 г.

Членам Союза Писателей СССР

Скоро год, как я послал свое безотзывное письмо съезду писателей. С тех пор еще дважды я писал Секретариату СП, трижды был там сам. Ничто не переменилось и по сегодня: мой архив мне не возвращен, книги не издаются, имя под запретом. Я настойчиво предупреждал Секретариат об опасности ухода моих произведений за границу, поскольку они давно широко ходят по рукам. Секретариат же не только не помог напечатанию уже набранного в « Новом мире » « Ракового корпуса », но упорно противодействовал тому, даже воспрепятствовал московской секции прозы обсудить 2-ую часть повести.

Упущен год, неизбежное произошло: на-днях главы из « Ракового корпуса » напечатаны в литературном приложении к « Таймс ». Теперь не исключены и другие публикации — быть может с неточных и неокончательных редакций повести. Происшедшее вынуждает меня ознакомить нашу литературную общественность с содержанием прилагаемых писем и высказываний — чтобы стала ясна позиция и ответственность Секретариата СП СССР.

Прилагаемое изложение заседания Секретариата от 22.9.67, записанное лично мною, разумеется не полно, но совершенно достоверно и может служить достаточной информацией до опубликования полной стенограммы.

Солженицын

Приложения:

1. Мое письмо всем (сорока двум) секретарям СП от 12.9.67.
2. Изложение заседания в Секретариате от 22.9.67.
3. Письмо К. Воронкова от 25.11.67.
4. Мое письмо в Секретариат от 1.12.67.

*
**

*Письмо А. И. Солженицына в
« Литературную газету ».
(Москва. 21.4.68).*

В редакцию « Литературной газеты »

Из сообщения газеты « Мوند » от 13 апреля мне стало известно, что на Западе в разных местах происходит печатание отрывков и частей из моей повести « Раковый корпус », а между издателями Мондадори (Италия) и Бодли Хэд (Англия) уже начат спор о праве « копирайт » на эту повесть (поскольку СССР не участвует в международной конвенции по авторским правам) — это при живом авторе !

Заявляю, что никто из зарубежных издателей не получал от меня рукописи этой повести или доверенности печатать ее.

Поэтому ничью состоявшуюся или будущую (без моего разрешения) публикацию я не признаю законной, ни за кем не признаю издательских прав, а всякое искажение текста (неизбежное при бесконтрольном размножении и распространении рукописи), равно как и всякую самовольную экранизацию и инсценировку, буду преследовать.

Я уже имею опыт, как во всех переводах был испорчен « Иван Денисович » из-за спешки. Видимо, это же ждет и « Раковый корпус ». Но, кроме денег, существует литература.

21.4.68

А. Солженицын

*Письмо Лидии Чуковской редактору
« Литературной газеты » А. Чаковскому.
(Москва. 27.6. - 4.7.68).*

**Ответственность писателя
и безответственность « Литературной газеты »**

Бывают статьи, которые читаешь с натугой. Пытаешься читать — и невольно откладываешь в сторону. Берешь снова, пробуешь что-нибудь извлечь, получить — и опять не удастся. Статья сама мешает себя читать. Не от того, что она предлагает уму и сердцу новую пищу, которая тебе не по зубам. Наоборот, чувство такое, будто жуешь пережеванное. Автор не произвел никакого труда мысли; он лишь механически повторил привычные сплетения слов, а иногда и фраз, а иногда и целых абзацев. Ему было легко писать — вот почему читать затруднительно.

Статью под названием « Идейная борьба. Ответственность писателя », помещенную в « Литературной газете » 26 июня с. г., я несколько раз брала в руки — и снова откладывала, не преодолев затруднений. Речь идет о борьбе идей, а идеи-то и не ухватишь; не борьба, а скольжение по накатанной дорожке; не идеи, а вереницы слов. Если преданность, то беззаветная, если верность, то безграничная, если волна клеветы, то мутная, если

отпор, то достойный. Воображения не хватает, чтобы за этим набором готовых штампов увидеть преданность, верность или обжечься ядом клеветы. Если встречи, то регулярные, если клеветническая кампания, то разнузданная, если отстаивание, то последовательное, а если речь зашла о литераторах, то они, эти литераторы, уж конечно «отдельные». Не работа мысли, а механическая перестановка значков.

И я сдалась бы на свое нежелание дочитывать статью до конца... Но дочитала: в середине речь зашла о Солженицыне. Все эти пустые слова вели, оказывается, к обсуждению его работы и жизни.

Автор взялся изложить биографию А. Солженицына. Но изложил ее без надлежащей точности.

Помянул письмо Съезду писателей, «Раковый корпус», «В кругу первом» — осудил их, не представив для того оснований.

Имя Солженицына — слишком дорогое имя в нашей литературе, чтобы позволительно было оставлять без опровержения малейшую неправду о нем. Тем более, что в данном случае читатель вполне беззащитен, книг Солженицына и сведений о его жизни взять ему неоткуда.

Я попытаюсь хоть отчасти восполнить этот пробел и сделать для читателя ясной истинную подоплеку борьбы, завязавшейся вокруг Солженицына.

«Последние годы Великой Отечественной войны, — сообщает газета, — Солженицын провел на фронтах в качестве командира зенитной батареи, имеет награды».

Солженицын был призван в армию в 1941 г. Через год, по окончании специального училища,

назначен командиром артиллерийской батареи. Артиллерийская батарея, как известно, — не зенитная, а 1942 — не один из последних, а, напротив, один из первых годов войны. Разумеется, ошибки эти ничтожны, но в статье об ответственности писателя не следовало бы допускать и таких. Журналистика — тоже дело ответственное.

Читаем дальше: « Незадолго до окончания войны он был осужден по обвинению в антисоветской деятельности и отбывал наказание в лагерях. В 1957 г. реабилитирован ».

Тут нет фактических неточностей. Но этот абзац — нечто гораздо худшее, чем неточности.

Солженицын действительно реабилитирован. Какое же право, моральное и юридическое, имеет « ЛГ » публично заговаривать о несовершенно им преступлении ? Ведь граждане, реабилитированные после смерти Сталина, — это же жертвы ежовского, бериевского, абакумовского — короче, сталинского террора, которые не были виновны перед законом и обществом; напротив, общество и учреждения, призванные вершить и охранять закон, оказались виновны перед ними. Зачем же газета бесстрастным голосом и как бы между прочим снова преподносит читателю уже разоблаченную ложь ? Оба факта на выбор: хотите — верьте обвинению, хотите — реабилитации . . . Совсем как в известном анекдоте: « Петров ? Ах, это тот, с которым что-то случилось, не припомню, что именно: то ли он кого-то обокрал, то ли его обокрали . . . Во всяком случае, будьте осторожны ».

Могу заверить «ЛГ»: обокрали его. На 8 лет жизни. Украли бы и целую жизнь («вечная ссылка»), да Сталин оказался не вечен.

В 1963 г. (в предисловии к книге « Один день

Ивана Денисовича») было сказано: «арестован по ложному политическому доносу». Прошло всего 5 лет — и бедная «ЛГ» заблудилась в тумане и снова не знает, где истина.

Реабилитация Солженицына («Определение № 4 н-083/57 Верховного Суда СССР от 6 февраля 1957 г.») составлена, к счастью, очень подробно и дает полное представление о его боевом пути и о причинах обрушившихся на него гонений.

Солженицын «храбро сражался за Родину, — написано в этом документе, — неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение Солженицына было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям... награжден орденами: Отечественной войны II степени и Красной Звезды».

За что же этот боевой офицер, прошедший с нашей армией путь до Восточной Пруссии, был в феврале 1945 г. арестован, без суда осужден и отправлен в лагерь?

Тот же документ отвечает на этот вопрос совершенно исчерпывающе: «Из материалов дела видно, что Солженицын в своем дневнике и в письмах к своему товарищу, говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности соц. революции в нашей стране и неизбежной победе ее во всем мире, высказался против культа личности Сталина...»

Вот в чем причина, вот где ключ к пониманию судьбы Солженицына. Он смолоду, раньше других разгадал Сталина; возмужав, сделавшись писателем, начал разоблачать сталинщину не только в дневниках и письмах. Вот причина гонений на него

в прошлые времена и горестных особенностей его литературной биографии в наши...

«ЛГ» в той же статье об идейной борьбе и ответственности, с полнейшей безответственностью и не утруждая себя доказательствами, называет роман «В круге первом» клеветническим.

Не потому ли, что среди других заплечных дел мастеров там выведен в том же качестве Сталин?

— А разве нельзя, — спросит читатель, — облачать Сталина?

Инструкции такой я не читала, распоряжения не слышала, но, судя по всему, оно существует. Судя по тому, хотя бы, что вот уже несколько лет редакции, за редчайшими исключениями, аккуратно вычеркивают из всех статей упоминания о гибели наших соотечественников в сталинских лагерях и тюрьмах. «Нам разъяснили, — любезно сообщил мне один редактор, — что если каждый раз указывать, у читателя может создаться впечатление будто их было слышком много».

Их — то есть заключенных. Погибших.

Ну как же при таких разъяснениях напечатать «В круге первом», роман Солженицына, где основное действие происходит в тюрьме в Москве, где собрана техническая, инженерная, филологическая интеллигенция из несметных тюрем и лагерей Сибири? У читателя в самом деле может создаться впечатление, что их было много, слишком много! Гораздо естественней в наши дни звучит хвала Сталину, изделия С. Смирнова. Про это произведение «ЛГ» не напишет, что оно клеветническое.

Вот как изображает С. Смирнов похороны своего героя:

И тогда, возвышенный над каждым,
Он ушел от нас не одинок:
Сотни душ растоптанных сограждан
Траурный составили венок.

Читатель должен представлять себе, при какой погоде совершаются попытки романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус» появиться на свет. Погода такая: можно напечатать в толстом журнале, что растоптанные люди — венок.

Утром, просыпаясь, и вечером, засыпая, мы должны помнить, что гениальный «Реквием» Ахматовой, этот плач обо всех замученных и убиенных, до сих пор не напечатан, а кособокие вирши Смирнова, этот плач на могиле их мучителя, беспрепятственно опубликован в журнале «Москва», 1967, № 10.

Вот какая у нас нынче погода !

С точки зрения цензур и редакции в стихах Смирнова все обстоит благополучно: они там не упомянуты — те, кого успел растоптать Сталин до своих похорон.

Рассказав о XX съезде («Мы потом сошлись в Колонном зале — Лучший цвет завода и села»), Смирнов мимоходом осуждает культ личности, но тем не менее от самой личности продолжает оставаться в восторге:

Да ! В таких — буквально — людях-глыбах,
До вершин вознесшихся не вдруг,
Надо не замалчивать ошибок,
Но и не зачеркивать заслуг.

Вряд ли истребление миллионов неповинных людей Смирнов осмеливается считать заслугой Сталина. Стало быть оно в его глазах «ошибка».

Не преступление против человечности, за которое должны нести ответственность сообщники сталинских злодейств: не зверство, не самая грандиозная провокация, какую когда-либо знала история, — провокация, едва не сбившая с толку целый народ, а деликатненько: «ошибка» (со стороны «буквально человека-глыбы, до вершин вознесшейся не вдруг»).

В дальнейших строках Смирнов признается, что он до сих пор не знает объективной истины о Сталине. Ну уж если до сих пор не знает, — тут уж боюсь, ему не поможешь ничем. Вот разве что: не почитать ли ему Солженицына ?

Я вовсе не намерена сводить все богатство философского, социального, нравственного содержания книг Солженицына к разоблачению сталинщины. Для них это слишком узко. И если я подчеркиваю сейчас антисталинскую направленность его произведений, то лишь потому, что у «ЛГ» о ней ни слова, а между тем в ней-то и зарыта собака. В ней — и в перемене погоды.

В 1964 г. на роман «В круге первом» с автором заключил договор журнал «Новый мир». Сегодня, в 1968 г., «ЛГ», сообщает, что роман — это «злостная клевета на наш общественный строй». Что же переменилось? Роман? Нет. Строй? Тоже нет. Наше прошлое? Оно неизменяемо. Изменилась погода. Дана новая беззвучная команда: окутать прошлое туманом. Не расслышав этой команды, читатель не поймет, почему не напечатаны до сих пор ни «Раковый корпус», ни «В круге первом». Почему у автора два года назад конфискован архив и до сих пор не возвращен ему. Почему перестали в библиотеках выдавать «Один день Ивана Денисовича». («Их там слишком много!»).

Почему на специальных инструктажах, из года в год, распространяются о Солженицыне злобные выдумки: сотрудничал с немцами! был в плену! уголовник, блатной! шизофреник!

Надо ведь изобрести способ расправиться с писателем, который продолжает разоблачать сталинщину уже после того, как дана команда забыть о ней. Нет, конечно, вспоминать можно, но лишь на такой манер:

Всенародно, в октябре и в мае,
Мы сверяли чувства по нему.
И стоял он, руку поднимая,
Равный громовержцу самому.

В повести «Раковый корпус» Сталин не изображен. Это скорее философская, нежели историческая повесть. Тут, как в повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича», автор ставит своих героев лицом к лицу со смертью и каждого заставляет оглянуться на прожитую жизнь и задуматься над ее смыслом. Над смыслом жизни — своей и общей. В туго завязанном жизненном узле переплетаются не только судьбы — мысли; тут что ни человек — то носитель идеи, завоеванной, выстраданной целой жизнью, — накануне конца; повесть совершает то великое дело, которое и должна творить литература: она учит работать мысль читателя. Но издана она лишь в самиздате; 8 глав, сверстанные в «Новом мире», были из журнала вынуты. Вынуты, несмотря на то, что секция прозы обсуждала повесть и все 24 выступавших говорили о необходимости ее напечатать.

«В идейном отношении, — глубокомысленно заявляет «ЛГ», — повесть, как отмечалось на секретариате, нуждалась в существенной переработ-

ке ». И это в статье — единственная характеристика повести! Искусство бюрократического письма в том и состоит, чтобы осудить чью-то мысль (или книгу), не дав читателю ни малейшего представления о ней.

А любопытно было бы узнать: какая именно идея из проповедуемых автором не устраивает секретариат? Идея очеловечивания человека? Ненависть к бессмысленной жестокости, пропитывающей жизнь до краев? Преклонение автора перед самоотверженной работой врачей? Размышления о том, в какой мере врач может самостоятельно решать судьбу больного? Какая именно?

На все эти вопросы «ЛГ» ответить не только не хочет — не может. Тут в самом деле должен совершаться труд мышления, а думать и обосновывать свои мысли — это вовсе не то же самое, что переставлять словечки: настойчивый отпор и мутная волна. Тут нужен анализ чужих идей, чужих аргументов, нужны поиски собственных доводов, живая, напряженная, страстная, строгая работа ума. Статья же «Идейная борьба...» поражает своей безыдейностью. Какая уж тут борьба идей, если свежим и грозным раздумьям Солженицына, скорбным укоризнам Каверина, выступившего на защиту солженицынской повести, всем их мыслям, основанным на целой грудке тут же приведенных ими фактов, газета противопоставляет не идеи, не мысли и, уж конечно, не факты, а либо порочащие ярлыки, либо какие-то пустые придирки, совершенно внешние, не касающиеся сути идущего спора... Солженицын, видите ли, отправил свое письмо съезду «в нарушение общепринятых норм поведения», т.е. не в одном экземпляре, как по-

ложено, а в сотнях — Президиуму, журналам, делегатам. Да забудьте вы хоть на минуту о способе, каким было послано письмо, вспомните о самом письме, напечатайте его или расскажите читателю его содержание, ответьте на него, попробуйте противопоставить мыслям автора свои собственные, если они у вас есть, опрокиньте, опровергайте его утверждения в открытом бою — тогда это будет называться идейной борьбой! А до тех пор это бюрократическая придирка. На роман «В круге первом» вы истратили 6 слов: «содержит злостную клевету на наш общественный строй» — а в романе 35 печатных листов, а в романе десятки героев, а действие охватывает самые разные слои нашего общества, разные его этажи, а сумма идей такова, что их хватило бы на 10 романов; где же именно скрывается злостная клевета? Из чего она складывается? В чем состоит? Почему бы вам не вытащить ее наружу и не опровергнуть?

Вы ставите в вину Каверину, что он будто бы ежедневно слушает по иностранному радио свое письмо Федину (какая богатая осведомленность о домашнем быте писателя), когда же дело доходит до дела, т.е. до содержания письма, вы замечаете: «нет нужды разбирать это письмо в подробностях».

Нет нужды? Если так, — не называйте свое выступление идейной борьбой. Это какая-то другая борьба, не идейная.

У «ЛГ» своя забота: Солженицын должен отмежеваться от шумихи, поднятой вокруг его имени на Западе. Вот тогда-то он сделается, наконец, идейным писателем и может надеяться быть удостоенным упоминания рядом с самой Галиной Серебряковой. (А не отмежуется — пусть пеняет

на себя). Главное, от чего ему следует отмежеваться, — это от шумихи, поднятой на Западе вокруг письма съезду. (А заодно, хорошо бы и от идей письма).

Когда я впервые прочитала это необыкновенное письмо, мне представилось, что сама русская литература оглянулась на пройденный путь, обдумала, взвесила все, что ей довелось пережить, подсчитала утраты и потери, помянула гонимых — тех, кого загубили на воле, взвесила урон, нанесенный гонениями на писателей духовному богатству страны и голосом Солженицына произнесла: довольно! больше так нельзя! будем жить по-другому!

Солженицын сделал все возможное, чтобы голос русской литературы раздался на съезде. Но несмотря на то, что десятки делегатов поддержали его и обратились в президиум съезда с требованием обсудить письмо, — оно ни оглашено, ни обсуждено не было.

Трудненько, видно, бороться с идеями; гораздо легче замалчивать их, и, замалчивая, порочить.

Голос литературы так и не прозвучал на писательском съезде.

И это понятно. Их, проклятых, и в этом письме слишком много: среди писателей одних лишь реабилитированных 600 человек, из них посмертно — 180! Опровергнуть письмо невозможно — и факты, и выводы неопровержимы; гораздо легче сообщить, как сделала «ЛГ», что «западная пропаганда подняла вокруг письма разнузданную антисоветскую шумиху». Шумиха-шумихой, а в чем же дело в письме? В чем его содержание? Почему шум шумихи заглушает для «ЛГ» смысл самого письма?

Единственное место, которое газета рискует изложить и на которое пытается ответить, — это предложение внести в Устав СП пункт об обязанностях Союза защищать неправо гонимых.

Как ? Защищать ? Своих членов ? Союз ?

В самом деле, развернем это предложение в жизнь, — и мы сами убедимся, что оно фантастическое.

Например: дан сигнал травить Пастернака. Выступает тов. Семичастный, большой знаток литературы, и публично, с трибуны, объявляет великого поэта — свиньей. Да, да, попросту свиньей — чавкающей или хрюкающей, не помню.

А тут СП — слушайте ! слушайте ! — вместо того, чтобы, покрыв себя навеки позором, исключить Пастернака, вступается за своего собрата и спокойно, с достоинством объясняет на страницах своей газеты невеждам, кто такой Пастернак.

Или вот другой пример: Солженицын. Помечаем ! Вместо того, чтобы сообщать, что архив, отобранный у него, отобран не в Рязани, а в Москве, и не на квартире у Солженицына, а на квартире у его друга (как будто это имеет какую-нибудь важность !), Союз в газете начинает борьбу за возвращение архива. Газета напоминает обществу, что архив писателя — его святое святых, что никто не смеет лезть туда руками, что довольно уже погибло драгоценных писательских архивов в таинственных недрах, что распространять, вопреки воле автора, выкраденную из его архива рукопись, от которой он давно и громко отказался, — незаконно и бесстыдно... Увы ! все это лишь в мечтах. А в действительности газета стала соучастницей похитителей: в той же

статье пересказала содержание отвергнутой автором пьесы.

Второго такого случая в нашей печати я не знаю. Умышленно не давать читателю представления о повести и романе, за опубликование которых открыто годами борется автор, — и пересказать во всеуслышание пьесу, никогда для распространения и печати не предназначавшуюся и хранившуюся в личном архиве... Это беспримерно. Не выкрасть ли у Солженицына (на этот раз уже из его квартиры в Рязани, а не из квартиры его друга в Москве) дневник или письма к жене и не пересказать ли в «ЛГ»? Это было бы еще интереснее.

Несмотря на горестный и богатый опыт разнообразных писательских гибелей, газета отвергает необходимость внести в устав Союза пункт об обязанности Союза защищать своих членов: «Такой пункт, — пишет газета, — ставил бы Устав СП над общегосударственными законами, обеспечивающими равную для всех граждан защиту от клеветы и несправедливости».

Да почему же непременно ставил бы над? Каждый местком каждого профсоюза имеет такие права — защищать своих членов, и это несколько не ставит его над судом или прокуратурой, а лишь способствует общей борьбе с произволом и несправедливостью.

Но «ЛГ» столько же дела до справедливости, сколько и до литературы. У нее своя навязчивая идея: добиться, чтобы писатель Солженицын, а заодно и писатель Каверин, вступившийся за Солженицына, отмежевались от шумихи, поднятой на Западе вокруг их имени. Вокруг их писем: Солженицына — съезду, Каверина — Федину. В письмах обоих писателей заключена неоспоримая

правда, а правда, как известно, не превращается в кривду в зависимости от шумихи или от того, на какой волне она передана. Шумели, замалчивали, а правда остается сама собой. И не о шумихе должна думать в первую очередь газета, а о сущности дела: истинно ли то, что вызывает шум ?

Я не спору — это большое несчастье, большое унижение для нашего народа, для всех нас, получать собственное богатство из чужих рук. Но чтобы избежать этого, есть одно-единственное средство: значительные произведения советской художественной литературы и советской общественной мысли надо печатать дома. И передавать по станциям « Маяк » и « Юность ». Тогда и читатель окажется духовно накормлен, и шумихи не будет, и заставляя писателей отречься и отмежеваться не станет нужным.

Упрекая Федина в том, что он, именно он, помешал напечатать « Раковый корпус » в « Новом Мире », Каверин пишет: « Это значит, что роман остается в тысячах списков, ходящих по рукам. Это значит, что он будет опубликован за границей. Мы отдадим его читающей публике Италии, Франции, Англии, Зап. Германии, т.е. произойдет то, против чего энергично и неоднократно протестовал сам Солженицын. Возможно, что в руководстве СП найдутся люди, которые думают, что они накажут писателя, отдав его зарубежной литературе ? Одни накажут его мировой славой, которой наши противники воспользуются для своих целей. Или они надеются, что Солженицын « исправится » и станет писать по-другому ? Это смешно по отношению к художнику, который представляет собой пример поглощающего призвания, пример, кото-

рый действительно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого».

Истину этих слов не заглушит ни шумиха на Западе, ни административный окрик «ЛГ».

«Редкий пример поглощающего призвания»... — точнее о Солженицыне не скажешь. Каждая из его вещей — точно свидетельство на каком-то незримом судилище, где он минуту назад принял присягу говорить правду, одну лишь правду и всю правду.

Присягнул — собственной прожитой жизни, людям, с которыми вместе шел по жизненным путям.

Письмо Солженицына кончается так: «Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть».

И такого человека «ЛГ» вздумала обучать ответственности!..

Ну, разве не смешно?

Лидия Чуковская

27.6. - 4.7.1968 г.

*Письмо физика В. Ф. Тургина
А. Чаковскому,
редактору « Литературной газеты ».
(Москва ?). 28.6.68.*

**Главному редактору « Литературной газеты »
А. Чаковскому**

« Литературная газета » опубликовала статью « Идейная борьба. Ответственность писателя »*. Если не считать вводной части, содержащей лишь хорошо известные общие положения, статья эта целиком направлена на дискредитацию писателя А.И. Солженицына. Содержание и тон этой статьи вызывают у меня глубокое возмущение. Поскольку статья появилась в газете без подписи, она воспринимается как редакционная, и я обращаюсь к вам, как к ее автору.

В этой статье вы преследуете цель опорочить А. И. Солженицына и представить его в глазах читателя человеком непорядочным и враждебным своему народу, причем вы пытаетесь достичь этого не указанием на какие-либо реальные факты (да я убежден, что таких фактов и нет), а путем голословных, ничем не подтвержденных обвинений, путем литературных ругательств, путем фальсификации и клеветы. Ваша статья пестрит такими

* 26.6.68. — (Ред.).

выражениями, как « высказывает деланную тревогу », « пытался вступить в своеобразный торг », « лицемерно возлагает моральную ответственность », и т. п. Даже приводя биографические сведения о Солженицыне, вы называете его человеком « многоопытным ». Вы, очевидно, не можете не знать, что выражение « многоопытный » применяется только по отношению к жуликам. Какое право имеете вы говорить так о солдате, защищавшем Родину от фашистов, о гражданине, незаслуженно пострадавшем от сталинского произвола, о писателе, каждая строчка которого свидетельствует о его искренности, о его любви к людям ?

Вы называете « Раковый корпус » идейно незрелым произведением, а « В круге первом » — злостной клеветой на наш общественный строй. Я читал и то и другое, и нахожу оба произведения правдивыми и глубокими, составляющими большой вклад в русскую литературу, как и те рассказы Солженицына, которые были опубликованы в нашей печати. Солженицын поражает советского читателя тем мужеством, с которым он пишет правду — так, как он ее видит и понимает. Конечно, вы можете не соглашаться с его видением и понимание правды; в отличие от вас, я признаю это право за каждым человеком. И если бы вы напечатали статью с анализом этих двух произведений Солженицына, содержащим сколь угодно резкую критику (именно, критику произведений, а не ругательства в адрес автора), то никто не мог бы предъявить вам никаких претензий. Правда, такую статью вы могли бы опубликовать — если вы порядочный человек. — лишь после того, как опубликованы произведения, о которых идет речь,

чтобы каждый читатель мог составить о них свое мнение. Но этого-то вы как раз ни в коем случае не хотите допустить по той простой причине, что вы боитесь правды, правды как таковой, в чьем-либо понимании: Солженицына, моем или вашем. Да, вы боитесь правды даже в вашем собственном понимании! Вы так привыкли к маскараду, что писать то, что думаешь, представляется вам прямо-таки непристойным; это вроде как попасть голым в общество прилично одетых господ. Именно такое содержание скрывается обычно под маскарадным термином «идейно незрелое произведение».

Теперь о клевете. Я, конечно, не отрицаю права обвинять кого-либо публично в клевете, и несколько ниже я сам воспользуюсь этим правом. Но давайте вспомним, что мы называем клеветой. Я думаю, вы согласитесь, с таким, например, определением: клевета это распространение заведомой лжи (то есть такой лжи, о которой распространитель точно знает, что она — ложь) с целью опорочить объект клеветы. Вы называете «В круге первом» злостной клеветой на наш общественный строй, иначе говоря, вы утверждаете, что Солженицын написал это произведение не для того, чтобы поделиться со своими соотечественниками пережитым и передуманным во время заключения, а специально сочинил ряд небылиц, руководствуясь лишь желанием опорочить наш строй. Я заявляю, что не верю вам. Я не верю, что вы так думаете. Не может так думать человек, прочитавший «В круге первом». Если бы вы написали, что это произведение тенденциозное, вредное, и т. п., то я, пожалуй, поверил бы вам, что это ваше действительное мнение (в конце концов, для вас оно,

быть может, и в самом деле вредное). Но вы перестарались, гражданин редактор, несмотря на весь свой опыт в подобного рода делах. Писатель раскрывается в своих произведениях. Поверить, что Солженицын клеветник, невозможно, и невозможно верить, что вы так думаете о нем. Но отсюда следует, что вы распространяете ложь, в которую не верите сами, а это есть не что иное, как клевета.

Ваше освещение писем Солженицына, написанных в связи с отказом печатать «Раковый корпус» и другими обстоятельствами, мягко выражаясь, тенденциозно. Что касается пьесы «Пир победителей», то я не вижу большой разницы в том, изъяты ли архивные материалы из квартиры писателя или из квартиры его знакомого, у которого он по каким-то соображениям решил их хранить. Он имеет полное право хранить копию с этих материалов. До тех пор, пока писатель не публикует своего произведения, или не распространяет его каким-то другим способом, оно остается его личным архивным документом, у вас же нет никаких фактов о том, что Солженицын распространял пьесу «Пир победителей». Напротив, он распространил письмо, в котором подчеркивал личный характер этого документа и возражал против его распространения. Если бы не вмешательство государственных органов, то никто и не знал бы об этой пьесе. Так что, если он и «утратил контроль» над ней, как вы выражаетесь, то отнюдь не по своей вине.

Каковы же реальные, наблюдаемые факты, которые вызвали появление вашей статьи? Вот они.

А. И. Солженицын пишет повесть «Раковый корпус» и направляет ее в печать. Сначала ее намереваются печатать, но затем отказываются.

Солженицын пишет письма в разные инстанции, добываясь издания повести, но безуспешно. Между тем, повесть вызывает большой интерес и начинает распространяться в машиннописи. В конце концов она попадает на Запад, и становится известно, что она будет в ближайшее время издаваться там. Солженицын пишет письмо в « Литературную газету », в котором заявляет, что рукопись он зарубежным издателям не передавал, что поэтому все зарубежные публикации объявляет незаконными и будет преследовать всякое искажение текста, а также его экранизацию или инсценировку.

Вот и все. Теперь скажите, пожалуйста, что вызывает здесь вашу злобу ? В чем неправ Солженицын ? Его заявление написано ясно, четко и достойно. Оно преследует цель пресечь использование его произведения в целях, враждебных по отношению к его родине и к нему самому. Вам следовало бы напечатать это заявление тогда, когда вы его получили, то есть два месяца назад. Почему вы не сделали этого ?

Я вижу только одно объяснение: заявление Солженицына, напечатанное само по себе, было бы встречено нашей общественностью с сочувствием и всем было бы ясно, что ответственность за то, что « Роковой корпус » издается впервые не на родине автора, а за границей, а также за возможное использование этого факта в антисоветских целях, лежит не на авторе, а на тех, кто препятствовал публикации повести. Вас это не устраивает, и вы решаетесь опубликовать заявление Солженицына лишь потратив два месяца на сочинение оскорбительной статьи, ставящей целью опорочить Солженицына путем ругани и фальсификации. В заявлении Солженицына вам недо-

стает дюжины стандартных проклятий по адресу лакеев империализма. Вы не можете простить Солженицыну его независимости и чувство собственного достоинства. Это-то и вызывает вашу злобу. Подобное этому, взяточники, например, больше всего на свете ненавидят бескорыстных людей: ведь они разрушают их теорию, что иначе жить нельзя и лишают их морального оправдания. При этом вы отлично знаете, что Солженицын лишен возможности дать вам отпор в печати. Ах, как любите вы и вам подобные бить связанного по рукам и ногам человека, особенно когда этот человек выше вас в профессиональном и нравственном отношении !

Я хочу еще отдельно остановиться на тех нескольких фразах, в которых вы касаетесь биографии Солженицына, ибо значение этих фраз выходит за рамки темы статьи. Вы пишете: « Незадолго до окончания войны он был осужден по обвинению в антисоветской деятельности и *отбывал наказание* в лагерях. В 1957 году реабилитирован ». Вот как, оказывается, « отбывал наказание » ! Не « был заключен, а « отбывал наказание » ! Вы что же, не знаете, что понятие « наказание » включает в себя понятие « преступление » ? Вы, конечно, можете возразить, что в следующей фразе написано « был реабилитирован », а это указывает на отсутствие преступления. Да, формально это так, но от этого гнусный намек, заключенный в словах « отбывал наказание » не снимается. После слов « был осужден и отбывал наказание » слова « был реабилитирован » воспринимаются просто как « был освобожден », то ли по амнистии, то ли по окончании срока. В подтексте этих строчек мне видится один из самых отвратительных

типов русской истории — тупой самодовольный мещанин, который в 1968 году рассуждает примерно так: « Да, реабилитирован, ну и что ? Раз посадили, значит была причина. Меня вот, например, не посадили же ! Просто так Хозяин не сажал !.. Конечно, потом времена изменились, пришлось реабилитировать . . . Но все равно, анти-советчик он и есть антисоветчик . . . ». Да, таков подтекст, и не вздумайте сказать, что вы его не чувствуете ! Как и любой советский редактор, вы большой специалист по подтекстам и контекстам, вы по тридцать раз ощупываете и обнюхиваете каждую фразу, прежде чем пропустить ее в печать. Именно с намерением получить такой подтекст вы и сформулировали эти фразы. Они относятся, по существу, ко всем невинно осужденным людям. Вам мало перенесенных ими нравственных и физических мучений, вы продолжаете их травлю, начатую в сталинское время, делая это исподтишка, через подтекст. В этих фразах вы не на стороне невинно осужденных, а на стороне сталинских доносчиков и палачей.

* * *

В течение некоторого времени я поддерживал связи с « Литературной газетой », моя фамилия даже появлялась на ее страницах. Теперь мне приходится стыдиться этого. Я заявляю, что до тех пор, пока вы остаетесь главным редактором « Литературной газеты », я отказываюсь в какой бы то ни было форме сотрудничать с ней, отказываюсь подписываться на нее и покупать ее. Я полагаю, что для всякого человека, разделяющего мою точку зрения на статью о Солженицыне, это единственно возможная реакция на нее.

28 июня 1968 г.

В. Ф. Турчин.

*
**

ИЗЛОЖЕНИЕ
ЗАСЕДАНИЯ РЯЗАНСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
4 НОЯБРЯ 1969 г.

(Заседание длилось с 15 ч. до 16 ч. 30 м.)

Присутствовали из семи членов Рязанской писательской организации — шестеро (секретарь Рязанского отделения Эрнст Сафонов лег на операцию); секретарь СП РСФСР — Ф. Н. Таурин; секретарь по агитации и пропаганде Рязанского обкома КПСС — Александр Сергеевич Кожевников; редактор издательства Поваренкин и еще три товарища из областных организаций.

Запись в ходе заседания велась Солженицыным.

На повестке дня — один объявленный вопрос: «Информация секретаря СП РСФСР Таурина о решении секретариата СП РСФСР о мерах усиления идейно-воспитательной работы среди писателей».

Сама информация не занимает много времени. Ф. Таурин прочитывает решение секретариата СП РСФСР, вызванное побегом А. Кузнецова за границу, с указанием новых мер идейного воспитания писателей. Сообщает, что подобные заседания уже проведены во многих областных писательских организациях и прошли на высоком уровне, особен-

но — в Московской писательской организации, где были выдвинуты обвинения против Лидии Чуковской, Льва Копелева, Булата Окуджавы, а также и против члена Рязанской организации СП — Солженицына.

Прения (регламент — 10 минут).

Василий Матушкин (член СП, Рязань). После нескольких общих фраз о состоянии Рязанской организации: — Не могу не сказать об отношении тов. Солженицына к литературе и к нашей писательской организации. Тут есть и моя ответственность: я когда-то давал ему рекомендацию при поступлении в Союз писателей. Таким образом, критикуя сегодня его, я критикую и сам себя. Когда появился «Иван Денисович», — не все в нем сразу принималось, многое в нем не нравилось. Но после рецензии Симонова и Твардовского мы не могли спорить. Все же у нас были надежды, что Солженицын станет украшением нашей писательской организации. Эти надежды не сбылись. Взять его отношение к нашей писательской организации. За все эти годы — никакого участия. На перевыборных собраниях он, правда, бывал, но не выступал. Помощь молодым писателям — одна из важнейших наших обязанностей по уставу, — он ее не оказывал, не участвовал в обсуждениях произведений начинающих авторов. *Работы* никакой у него не было. Возникает мнение и боль, что он высокомерно относится к нашей писательской организации и к нашим небольшим достижениям в литературе. Скажу честно и откровенно, что все его последнее творчество (правда, мы его не знаем, не читали, нас на обсуждение не приглашали) идет вразрез с тем, что пишем мы, остальные. Для нас существует Родина-мать, и нет ничего дороже.

А творчество Солженицына публикуется за рубежом, и все это потом выливается на нашу родину. Когда нашу мать поливают грязью, используя его произведения, и Александру Исаевичу дают указания, как надо ответить, и даже печаталась статья в «Литературной газете», то он не реагировал, считая себя умнее.

Баранов (председательствующий): Ваш регламент кончился, 10 минут.

Матушкин — просит еще.

Солженицын: Дать — сколько товарищ просит.

Матушкин: . . .¹ нам придется расстаться с вами.

Николай Родин (член СП, г. Касимов, для создания кворума срочно доставлен на это собрание в больном состоянии): Василий Семенович сказал так, что и добавить нечего. Если взять устав Союза и сравнить с ним гражданскую деятельность Александра Исаевича, то увидим большие расхождения. Мне после Василия Семеновича и добавить нечего. Он не выполнял устава, не считался с нашим Союзом. Бывает так, что некому отдать на рецензию рукопись начинающего писателя, а Солженицын не рецензировал. У меня к нему большие претензии.

Сергей Баранов (член СП, Рязань): Это очень серьезный вопрос, и своевременно его поднимает правление Союза писателей. Мы в Союзе должны хорошо знать душу друг друга и помогать друг другу. Но что будет, если мы разбежимся по углам, кто же будет воспитывать молодежь? Кто же будет руководить литературными кружками, которых у нас много на производстве и в учебных

¹ Несколько строк неразборчивы.

заведениях ? Правильно Василий Семенович затронул вопрос об Александре Исаевиче. Творчества его мы не знаем. Вокруг его произведений вначале была большая шумиха. А я лично в « Иване Денисовиче » всегда видел сплошные черные краски. Или « Матренин двор » — да где он видел такую одинокую женщину с тараканами и кошкой, и чтоб никто не помогал — где такую Матрену найти ? Я все же надеялся, что Александр Исаевич напишет вещи, нужные народу. Но где он свои вещи печатает, о чем они ? Мы не знаем. Надо повисить требования к себе и друг к другу. Солженицын оторвался от организации, и нам, очевидно, придется с ним расстаться.

Солженицын просит разрешения задать один общий вопрос выступающим товарищам, председательствующий отказывается.

Евгений Маркин (член СП, Рязань): Мне труднее всего говорить, труднее всех. Глядя правде в глаза, — речь идет о пребывании Александра Исаевича в нашей организации. Я не был еще членом Союза в то время, когда вы его принимали. Я нахожусь в угнетенном состоянии вот почему: небывалое колебание маятника из одной амплитуды в другую. Я работал сотрудником « Литературы и жизни » в то время, когда раздавались Солженицыну небывалые похвалы. С тех пор наоборот: ни о ком я не слышал таких резких мнений, как о Солженицыне. Такие крайности потом сказываются на совести людей, принимающих решение. Вспомним, как поносили Есенина, а потом стали превозносить, а кое-кто теперь опять хотел бы утопить. Вспомним резкие суждения после 1946 года. Разобраться мне в этом сейчас труднее всех. Если Солженицына сейчас исключат, потом

примут, опять исключат, опять примут, — я не хочу в этом участвовать. Где тогда найдут себе второй аппендикс те, кто ушли от обсуждения сегодня? А у нас в организации есть большие язвы: членам Союза не дают квартир. Нашей Рязанской писательской организацией два года командовал проходимец Иван Абрамов, который даже не был членом Союза, он вешал на нас политические ярлыки. А с Анатолием Кузнецовым я вместе учился в Литинституте, интуиция нас не обманывает, мы его не любили за то, что ханжа. На мой взгляд, статьи устава Союза можно толковать двойственно, это — палка о двух концах. Но, конечно, хочется спросить Александра Исаевича, почему он не принимал участия в общественной жизни. Почему по поводу той шумихи, что подняла вокруг его имени иностранная пресса, он не выступил в нашей печати, не рассказал об этом нам? Почему Александр Исаевич не постарался правильно...² товарищами вопрос освещен. Мне бы хотелось поставить себя на место Александра Исаевича и представить, как бы я себя вел. Если бы все мое творчество поставили на вооружение за границей, — что бы я делал? Я бы пришел к товарищам посоветоваться. Он сам себя изолировал. Я присоединяюсь к большинству.

Поваренкин: На протяжении многих лет Александр Исаевич был в отрыве от Союза писателей. Не приезжал на перевыборные собрания, а присылал телеграммы: «Я присоединяюсь к большинству» — разве это принципиальная позиция? А Горький говорил, что Союз писателей — это коллективный орган, это — общественная органи-

² Несколько строк неразборчивы.

зация. Александр Исаевич, видимо, вступил в Союз с другими целями, чтобы иметь писательский билет. Идейные качества его произведений не помогают нам строить коммунистическое общество. Он чернит наше светлое будущее. У него самого нутро черное. Показать такого бескрылого человека, как Иван Денисович, мог только наш идейный противник. Он сам поставил себя вне писательской организации.

Солженицын снова просит разрешения задать вопрос. Ему предлагают вместо этого выступить. После колебаний разрешают вопрос.

Солженицын просит членов СП, упрекавших его в отказе рецензировать рукописи, в отказе выступить перед литературной молодежью, назвать хотя бы один такой случай.

Выступавшие молчат.

Матушкин: Член Союза писателей должен активно работать по уставу, а не ожидать приглашения.

Солженицын: Я сожалею, что наше совещание не стенографируется, даже не ведется тщательных записей. А между тем оно может представить интерес не только завтра и даже позже, чем через неделю. Впрочем, на секретариате СП СССР работали три стенографистки, но секретариат, объявляя мои записи тенденциозными, так и не смог или не решился представить стенограмму того совещания.

Прежде всего я хочу снять камень с сердца товарища Матушкина. Василий Семенович, напомню вам, что вы никогда не давали мне никакой рекомендации, вы, как тогдашний секретарь СП, принесли мне только пустые бланки анкет. В тот период непомерного захваливания секретариат

РСФСР так торопился меня принять, что не дал собрать рекомендации, не дал принять на первичной рязанской организации, а принял сам и послал мне поздравительную телеграмму.

Обвинения, которые мне здесь предъявили, разделяются на две совсем разные группы. Первая касается Рязанской организации СП, вторая — всей моей литературной судьбы. По поводу первой группы обвинений скажу, что нет ни одного обоснованного обвинения. Вот отсутствует здесь наш секретарь т. Сафонов. А я о каждом своем общественном шаге, о каждом своем письме съезду или в секретариат ставил его в известность в *тот же день* и всегда просил познакомить с этими материалами всех членов Рязанского СП, а также нашу литературную молодежь. А он вам их не показывал? По своему ли нежеланию? Или потому, что ему запретил присутствующий здесь товарищ Кожевников? Я не только не избегал творческого контакта с Рязанским СП, но я просил Сафонова и настаивал, чтобы мой «Раковый корпус», обсужденный в Московской писательской организации, был бы непременно обсужден и в Рязанской. У меня есть копии письма об этом. Но обсуждение не было организовано. Я не присутствовал на всех заседаниях Рязанской организации СП — это правда, но причиной то, что я большую часть времени не живу в Рязани, живу под Москвой, вне города. Когда только что был напечатан «Иван Денисович», меня усиленно звали переезжать в Москву, но я боялся там рассредоточиться и отказался. Когда же через несколько лет я попросил разрешения переехать, — мне было отказано. Я обращался в Московскую организацию с просьбой взять меня там на учет, но секретарь ее,

В. Н. Ильин³, ответил, что это невозможно, что я должен состоять в той организации, где прописан по паспорту, а не важно, где я фактически живу. Из-за этого мне и трудно было иногда приезжать на перевыборы.

Что же касается обвинений общего характера, то я продолжаю не понимать, какого такого «ответа» от меня ждут, на *это* «ответа»? На ту ли пресловутую статью в «Литературной газете», где мне был противопоставлен Анатолий Кузнецов, и сказано было, что надо отвечать Западу так, как он, а не как я? На ту анонимную статью мне нечего отвечать. Там поставлена под сомнение правильность моей реабилитации — хитрой уклончивой фразой «отбывал наказание» — отбывал наказание и все, понимаете, что отбывал за дело. Там высказана ложь о моих романах, будто бы «Круг первый» является «злостной клеветой на наш общественный строй», — но кто это доказал, показал, проиллюстрировал? Романы никому не известны и о них можно говорить все, что угодно. И много еще мелких искажений в статье, искажен весь смысл моего письма съезду. Наконец, опять обсасывается надоевшая история с «Пиром победителей» — уместно, кстати, задуматься: *откуда* редакция «Литературной газеты» имеет сведения об этой пьесе, откуда получила ее для чтения, если *единственный* ее экземпляр взят из письменного стола госбезопасностью?

Вообще, с моими вещами делается так: если я какую-нибудь вещь сам отрицаю, не хочу, чтобы

³ В прошлом «начальник отдела культуры 7-го следственного управления по особо важным делам МГБ СССР» в чине «генерала государственной безопасности 2-го ранга».

она существовала, как « Пир победителей », — то о ней стараются говорить и « разъяснять » как можно больше. Если же я настаиваю на публикации моих вещей, как « Ракового корпуса » или « Круга », то их скрывают и замалчивают.

Должен ли я « отвечать » секретариату ? Но я уже отвечал ему на все заданные мне вопросы, а вот секретариат не ответил мне ни на один ! На мое письмо съезду со всей его общей и личной частью я не получил никакого ответа по существу. Оно было признано малозначительным рядом с другими делами съезда, и его положили под сукно, и, я начинаю думать, нарочно выжидали, пока оно две недели широко циркулировало, — а когда напечатали его на Западе, в этом нашли удобный предлог не публиковать его у нас.

Такой же точно прием был применен и по отношению к « Раковому корпусу ». Еще в сентябре 1967 г. я настойчиво предупреждал секретариат об опасности, что « Корпус » появится за границей из-за его широкой циркуляции у нас. Я торопил дать разрешение печатать его у нас, в « Новом мире ». Но секретариат — ждал. Когда весной 1968 года стали появляться признаки, что вот-вот его напечатают на Западе, я обратился с письмами: в « Литературную газету », в « Мوند » и в « Унита », где запрещал печатать « Раковый корпус » и лишал всяких прав западных издателей. И что же ? Письмо в « Мوند », посланное по почте заказным, не было пропущено. Письмо в « Унита », посланное с известным публицистом-коммунистом Витторио Страда, было отобрано у него на таможене — и мне пришлось горячо убеждать таможенников, что в интересах нашей литературы необходимо, чтобы это письмо появилось в « Унита ».

Через несколько дней после этого разговора, уже в начале июля, оно-таки появилось в «Унита», а «Литературная газета» все выжидала! Чего она ждала? Ведь она скрывала мое письмо в течение *девяти* недель — с апреля по 26 июня?.. Зачем «Литгазета» держала протест девять недель? Расчет явен: пусть «Корпус» появится на Западе, и тогда можно будет проклясть и не допустить до советского читателя. А ведь напечатанный вовремя, протест мог остановить публикацию «Корпуса» на Западе, — вот, например, два американских издательства, Даттон и Прегер, когда *слухи* дошли до них, что я протестую против напечатания «Корпуса», в мае 1968 г., отказались от своего намерения печатать книгу. А что было бы, если б «Литгазета» напечатала мой протест *тогда*?

Председательствующий Баранов: Ваше время истекло, 10 минут.

Солженицын: Какой может быть тут регламент? Это вопрос жизни.

Баранов: Но мы не можем вам больше дать регламент.

Солженицын — настаивает. Голоса — разные.

Баранов: Сколько вам еще надо?

Солженицын: Мне много надо сказать. Но, по крайней мере, дайте еще десять минут.

Матушкин: Дать ему три минуты.

(Посоветовавшись, дают еще десять).

Солженицын (еще убыстряя и без того быструю речь): Я обращался в Министерство связи, прося прекратить *погтовый разбой* в отношении моей переписки — недоставку или задержку писем, телеграмм, бандеролей, особенно зарубежных, например, когда я отвечал на поздравления к моему

пятидесятилетию. Но что говорить, если секретариат СП СССР сам поддерживает этот почтовый разбой? Ведь секретариат не переслал мне ни одного письма, ни одной телеграммы из той кипы, которую получил на мое имя к моему пятидесятилетию. Так и держит беззвучно.

Переписка моя вся перлюстрируется, но мало того: результаты этой незаконной почтовой цензуры используются с циничной открытостью. Так, секретарь Фрунзенского райкома партии г. Москвы вызвал руководителя Института русского языка Академии наук и запретил запись моего голоса на магнитофон в этом институте — узнал же он об этом из цензурного почтового извлечения, поданного ему.

Теперь об обвинении в так называемом «очернении действительности». Скажите: когда и где, в какой теории познания *отражение* предмета считается важнее самого предмета? Разве что в обыденных философиях, но не в материалистической же диалектике. Получается так: не важно, что мы делаем, а важно, что об этом скажут, и чтобы ничего худого не говорили, — будем обо всем происходящем молчать. Но это — не выход. Не тогда надо мерзостей стыдиться, когда о них говорят, а когда их *делают*. Сказал поэт Некрасов:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.

А тот, кто все время радостно-лазурен, тот, напротив, к своей родине равнодушен.

Тут говорят о маятнике. Да, конечно, огромное качание маятника, не со мной только одним, а во всей нашей жизни: хотят закрыть, забыть ста-

линские преступления, не вспоминать о них. « Да надо ли напоминать прошлое ? » — спросил Льва Толстого его биограф Бирюков. И Толстой ответил, — цитирую по бирюковской « Биографии Толстого », том 3/4, стр. 49...⁴ ... и прямо взглянем ему в лицо — и наше теперешнее насилие откроется ».

Нет ! Замолчать преступления Сталина не удастся бесконечно, идти против правды не удастся бесконечно. Это преступление над миллионами, и они требуют раскрытия. А хорошо б и задуматься: какое моральное влияние на молодежь имеет укрытие этих преступлений, это — *развращение* новых миллионов. Молодежь растет не глупая, она прекрасно понимает: вот, были миллионные преступления, и о них молчат, все шито-крыто. Так что же каждого из нас удерживает принять участие в несправедливостях ? Тоже будет шито-крыто.

Мне остается сказать, что я не отказываюсь ни от одного слова, ни от одной буквы моего письма съезду писателей. Я могу закончить теми же словами, как и то письмо (читает) :

« Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды и за движение ее я готов принять и смерть » — смерть, а не только исключение из Союза. « Но, может быть, многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни ? Это еще ни разу не украсило нашей истории ».

⁴ Несколько строк неразборчивы.

Что же, голосуйте, за вами большинство. Но помните: история литературы еще будет интересоваться нашим сегодняшним заседанием.

Матушкин: У меня вопрос к Солженицыну. Чем вы объясните, что вас так охотно печатают на Западе ?

Солженицын: А чем вы объясните, что меня так упорно не хотят печатать на родине ?

Матушкин: Нет, вы мне ответьте, вопрос к вам...

Солженицын: Я уже отвечал и отвечал, у меня вопросов больше, и поставлены они раньше: пусть секретариат ответит на мои.

Кожевников (останавливая Матушкина): Ладно, не надо. Товарищи, я не хочу вмешиваться в ваше собрание и в ваше решение, вы совершенно независимы. Но я хотел возразить против (голос с металлом) того политического резонанса, который Солженицын хочет навязать нам. Мы берем один вопрос, а он берет другой. В его распоряжении все газеты, чтобы ответить за границе, а он ими не пользуется. Он не желает ответить нашим врагам. Он не желает дать отповедь за границе — и не ссылаясь на Некрасова и Толстого, а своими словами ответить нашим врагам. Съезд отверг ваше письмо как ненужное, как идейно неправильное. Вы в том письме отрицаете руководящую роль партии, а мы на этом стоим, на руководящей роли партии. Я думаю, что правильно здесь говорили ваши бывшие товарищи по Союзу — мы не можем мириться ! Мы должны идти все в ногу, спаренно, стройно, все заодно, — но не под кнутом каким-то, а по своему сознанию !

Франц Таурин: Теперь этим делом придется заниматься секретариату РСФСР. Это правильно, что главная суть не в рецензировании рукописей,

не в ведении литературных кружков. Главное, что вы, Солженицын, не дали отпора использованию вашего имени на Западе. Это можно отчасти объяснить и несправедливостью давнего приговора. Но каждый — творец своей собственной судьбы. Поймите, никто не хочет поставить вас на колени. Это заседание — попытка помочь вам распрямиться от всего, что на вас навешали на Западе. Любое решение, которое сегодня будет принято, будет обсуждено и в секретариате РСФСР.

Левченко: (Встает читать написанный заранее на машинке проект решения. Читает):

... Пункт 2-й. Собрание считает, что поведение Солженицына носит антиобщественный характер, в корне противоречащий целям и задачам Союза писателей.

За антиобщественное поведение, противоречающее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений устава СП СССР, исключить *литератора* Солженицына из членов Союза писателей СССР.

Просим секретариат утвердить это решение.

Маркин: Хотелось бы знать мнение нашего секретаря, т. Сафонова. Он — информирован или нет?

Баранов: Он болен. Собрание наше правомочно.

Голосуют. За резолюцию — пятеро. Против — один.

*
**

« Литературная газета »
12 ноября 1969 г.

« В Союзе писателей РСФСР »

Состоялось собрание Рязанской писательской организации, посвященное задачам усиления идейно-воспитательной работы. Участники собрания в своих выступлениях подчеркивали, что в условиях обострившейся идеологической борьбы в современном мире возрастает ответственность каждого советского писателя за свое творчество и общественное поведение.

В этой связи писатели подняли вопрос о члене Рязанской писательской организации А. Солженицыне. Собрание единодушно отметило, что поведение А. Солженицына носит антиобщественный характер и в корне противоречит принципам и задачам, сформулированным в Уставе Союза писателей СССР.

Как известно, в последние годы имя и сочинения А. Солженицына активно используются враждебной буржуазной пропагандой для клеветнической кампании против нашей страны. Однако А. Солженицын не только не высказал публично своего отношения к этой кампании, но, несмотря на критику советской общественности и неоднократные рекомендации Союза писателей СССР, некоторыми своими действиями и заявлениями, по существу,

способствовал раздуванию антисоветской шумихи вокруг своего имени.

Исходя из этого, собрание Рязанской писательской организации постановило исключить А. Солженицына из Союза писателей СССР.

Секретариат правления Союза писателей РСФСР утвердил решение Рязанской писательской организации ».

Письмо А. Солженицына

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
СЕКРЕТАРИАТУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР**

Бесстыдно попирая свой собственный устав, вы исключили меня заочно пожарным порядком, даже не послав мне вызывной телеграммы, даже не дав нужных четырех часов — добраться из Рязани и присутствовать. Вы откровенно показали, что решение предшествовало «обсуждению». Удобней ли было вам без меня изобретать новые обвинения? Опасались ли вы, что придется выделить мне десять минут на ответ? Я вынужден заменить их этим письмом.

Протрите циферблаты! — ваши часы отстали от века. Откиньте дорогие тяжелые занавесы! — вы даже не подозреваете, что на дворе уже рассветает. Это — не то глухое, мрачное безысходное время, когда вот так же угодливо вы исключили Ахматову. И даже не то робкое, зябкое, когда с завываниями исключили Пастернака. Вам мало того позора? Вы хотите его сгустить? Но близок час: каждый из вас будет искать, как выскрести свою подпись под сегодняшней резолюцией.

Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору на-

шему тяжелобольному обществу вы неспособны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность, а только «держать и не пущать»!

Расползаются ваши дебелые статьи, вяло шевелится ваше безмыслие, — а аргументов нет, есть только голосование и администрация. Оттого-то на знаменитое письмо Лидии Чуковской, гордость русской публицистики, не осмелились ответить ни Шолохов, ни все вы вместе взятые. А готовятся на нее административные клещи: как посмела она допустить, что неизданную книгу ее читают? Раз *инстанции* решили тебя не печатать — задавись, удушись, не существуй! Никому не давай читать!

Подгоняют под исключение и Льва Копелева — фронтовика, уже отсидевшего десять лет безвинно — теперь же он виноват, что заступает за гонимых, что разгласил священный тайный разговор с влиятельным лицом, нарушил тайну кабинета. А зачем вы ведете такие разговоры, которые надо скрывать от народа? А не нам ли было пятьдесят лет назад обещано, что никогда не будет больше тайной дипломатии, тайных переговоров, тайных непонятных назначений и перемещений, что массы будут обо всем извещать и судить *открыто*?

«Враги услышат» — вот ваша отговорка, вечные и постоянные «враги» — удобная основа ваших должностей и вашего существования. Как будто не было врагов, когда обещалась немедленная открытость. Да что бы вы делали без «врагов»? Да вы б и жить уже не могли без «врагов», вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть, не уступающая расовой. Но так теряется ощущение цельного и единого человечества — и ускоряется его гибель. Да растопись завтра

только льды Антарктики — и все превратятся в тонущее человечество — и кому вы тогда будете тыкать в нос «классовую борьбу»? Уж не говорю — когда остатки двуногих будут бродить по радиоактивной Земле и умирать.

Все-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим, — это человечеству. А человечество отделилось от животного мира мыслью и речью. И они, естественно, должны быть свободными. А если их сковать, — мы возвращаемся в животных.

Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности, — тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет отечеству гласности, — тот не хочет очистить его от болезни, а загнать ее внутрь, чтоб она гнила там.

12 ноября 1969 г.

Александр Солженицын

« Литературная газета »
3 декабря 1969 г.

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Секретариат правления Московской писательской организации совместно с активом обсудил на своем заседании кандидатуры московских писателей, выдвинутые творческими объединениями на соискание Государственной премии СССР 1970 года. В результате всестороннего обсуждения принято решение представить на соискание Государственной премии СССР: М. Прилежаеву — за книгу « Удивительный год »; Б. Полевого — за книгу « В конце концов. Нюрнбергские дневники »; Е. Винокурова — за книгу стихов « Избранное ».

Секретариат заслушал также сообщение председателя правления СП РСФСР Л. Соболева и выступление секретаря правления СП СССР К. Воронкова в связи с решением секретариата СП РСФСР об исключении из Союза писателей А. Солженицына. В обсуждении этого вопроса приняли участие А. Алексин, Г. Березко, А. Васильев, С. Васильев, И. Винниченко, Б. Егоров, В. Ильин, Л. Карелин, Л. Кассиль, М. Луконин, В. Маевский,

С. Михалков, Ю. Прокушев, Г. Радов, И. Ринк, К. Поздняев, А. Самсония, И. Соболев, Л. Фоменко, Я. Цветов, Ю. Чепурин, Л. Якименко.

Все выступавшие осудили поведение и позицию, занятую А. Солженицыным, и единодушно одобрили решение, принятое секретариатом правления СП РСФСР.

В выступлениях отмечалось, что в период острой идеологической борьбы, когда враги коммунизма ведут ожесточенную клеветническую кампанию против социалистических стран и, в первую очередь, против Советского Союза, позиция литератора, отдающего свое имя на вооружение нашим зарубежным идеологическим противникам и способствующего своим творчеством и своим поведением усилению антисоветской пропаганды, означает на деле переход во враждебный лагерь. Такая позиция исключает возможность дальнейшего пребывания А. Солженицына в рядах Союза писателей СССР.

Участники заседания в своих выступлениях подчеркивали важность и необходимость дальнейшего усиления идейно-воспитательной работы среди членов Московской писательской организации, повышения ответственности каждого за свое творчество.

*Письмо 39-ти в Союз советских писателей
об исключении Солженицына из ССП
(Москва ?) 9.12.69.*

В СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Исключение Александра Солженицына из Союза советских писателей позорно не для исключенного — оно позорно для истории нашей литературы и прежде всего для наших писателей, молча или вслух согласившихся с этим.

Претензии, предъявляемые Солженицыну, носят целиком политический характер и выражают официальную критику его идейных позиций, состоящих в последовательном разоблачении Сталинского произвола, Сталинщины.

Его художественная значимость, его мастерство, его всемирная слава — несомненны.

Но ведь именно талант и мастерство в первую очередь определяют место художника в содружестве его коллег ! Или, доведись Достоевскому быть нашим современником, его тоже попросили бы покинуть пределы страны ?

Обращаясь к партийно-государственному руководству нашей страны, можно было бы напомнить, что резкая отповедь толстовству не мешала Ленину признавать всемирное значение великого писателя и восхищаться его книгами. Можно было бы напомнить и то, как Ленин предлагал перепеча-

тать из белоэмигрантского, антисоветского сборника Аверченко несколько рассказов именно за их талантливость *. Все это хорошие примеры политического подхода к художественному творчеству, в которых видно признание того, что:

ценность писателя заключается в его таланте; идейная позиция писателя может быть только объектом критики и публичной дискуссии, но ни в коем случае не поводом для каких-либо преследований.

Отчего же советские писатели не знают этих истин? О чем они пекутся — о славе отечественного искусства или о бесславии? Отлучив Солженицына от своего союза — разве не понимают они, что ни этим, ни чем-либо иным его невозможно отлучить от литературы?

Исключить беспартийного писателя из беспартийной организации за беспартийность воззрений! Это значит и его оставить беззащитным перед дальнейшими бедами, которые вполне могут его постигнуть, — и самих себя вместе со всем своим мастерством и творчеством наглухо запереть в унылых рамках политической конъюнктуры.

В своем отношении к судьбе Солженицына читатели не столь единодушны, как его собратья по перу. Мы рассматриваем исключение Солженицына из ССП как очередное крупное проявление СТАЛИНИЗМА, как расправу над писателем, олицетворяющим совесть и разум нашего народа.

* Т. е. статья Ленина «Талантливая книжка», Правда, 22.11.1921 (Ленин, В. И., Сочинения, 4-е изд., т. 33, с. 101-102), в которой говорится о сборнике Аверченко Дюжина ножей в спину революции (Париж, 1921).

Л. АГЕЕВА	В. КРАСИН
З. АСАНОВА	Л. КУШЕВА
Т. БАЕВА	В. ЛАПИН
И. БЕЛОГОРОДСКАЯ	Л. ЛЮБОВНИКОВА
В. ВЕЛИЕВ	Л. ПЛЮЩ
Ю. ВИШНЕВСКАЯ	Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ
А. ВОЛЬПИН	М. РЫЖИК
О. ВОРОБЬЕВ	И. РУДАКОВ
В. ГЕРШУНИ	Р. САВИНА
(по доверенности)	В. СЕЙТОМЕТОВ
З. ГРИГОРЕНКО	Л. ТЕРНОВСКИЙ
В. ГУСАРОВ	А. ПРИМАК
Р. ДЖЕМИЧЕВ	В. ТИМАЧЕВ
Ю. ДИКОВ	Л. УБОЖКО
Н. ЕМЕЛЬКИНА	Р. УРБАН
А. ИМЕТОВ	И. ХАЛИЛОВ
З. ИСМАЙЛОВ	И. ХАЛАПОВ
Е. КОСТЕРИНА	И. ЯКИР
В. КОМАРИНОВ	П. ЯКИР
И. КОРОЛЕВА	Б. ЯРОСЛАВОВ

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

*

По имеющимся данным были опубликованы: один роман, две повести, шесть рассказов, две пьесы, две статьи и пятнадцать «этюдов и крохотных рассказов» (см. названия рассказов на странице 168). Роман: «В круге первом». Повести: «Один день Ивана Денисовича» и «Раковый корпус». Рассказы: «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела», «Захар Калита», «Правая кисть» и «Пасхальный крестный ход». Пьесы: «Свеча на ветру (свет, который в тебе)» и «Олень и шалашовка». Статьи: «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана» и «Как читают Ивана Денисовича».

В Советском Союзе были опубликованы только: повесть «Один день Ивана Денисовича», четыре первых рассказа и статья «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана».

В своем письме IV Всесоюзному Съезду Писателей от 16-го мая 1967 года, автор назвал среди своих неопубликованных произведений «Знают истину танки» и «Пир победителей». «Знают истину танки» — киносценарий, написанный в

1959 году; « Пир победителей » — пьеса в стихах, написанная наизусть в лагере в Казахстане, рукопись которой была конфискована КГБ.

« Олень и шалашовка » — пьеса из жизни советского концлагеря, написанная в 1954 году. Солженицын читал выдержки из этой пьесы членам театра « Современник » под Новый Год 1962/63 и ему было обещано, что она будет поставлена. Однако, это не сбылось.

В Советском Союзе ходит по рукам в самиздате роман Солженицына « Архипелаг ГУЛАГа ». Это произведение не было еще опубликовано ни в Советском Союзе ни за границей.

Первая опубликованная повесть Солженицына — « Один день Ивана Денисовича ». В 1958 году это произведение было послано автором ряду советских издательств, но не было принято к опубликованию. В конце 1962 года с разрешения Хрущева эта повесть была опубликована в « Новом мире » (№ 11). Вскоре тираж этого произведения в Советском Союзе значительно увеличился благодаря массовому изданию « Московскими новостями » (по английски) « Роман-газеты » (тираж 700 тысяч экземпляров), и др. На Западе эта повесть была переведена на многие иностранные языки (подробные сведения на странице 165).

По словам В. Буханова (« У Солженицына в Рязани », — « Литературная Россия », 25 января 1963 года, № 4) по этой повести должен был быть сделан фильм — предполагалось, что он может даже получить Ленинскую премию. Но этого не произошло после того, как повесть подверглась нападкам « Правды », 30 апреля 1964 года.

В январе 1970 года финский режиссер Каспер Вреде начал снимать в Норвегии фильм по этой

повести. Главную роль, Ивана Денисовича Шухова, играет английский киноактер Том Кертни.

Роман « В круге первом » писался очень долго. Он был окончен в 1964 году, но в 1965 году рукопись эта была конфискована агентами КГБ. Впервые роман вышел на русском языке в июне 1968 года в немецком издательстве С. Фишер Ферлаг.

Повесть Солженицына « Раковый корпус » (в двух частях), была закончена летом 1966 года, как упоминает сам автор в своем письме Секретариату Правления Союза Писателей СССР от 12 сентября 1967 года. « Раковый корпус » должен был печататься в « Новом мире », в первом номере 1968 года, но окончательное разрешение на опубликование не было дано, хотя гранки повести были посланы Солженицыну в ноябре 1967 года. Первая часть этой повести была опубликована на русском языке в апреле 1968 года итальянским издательством Мондадори (которое приписывало эту повесть анонимному советскому писателю).

На следующих страницах приведен список произведений Солженицына, изданных на разных языках.

*
**

ПОВЕСТИ :

1. ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА,

- по-русски : Москва, «Новый мир», № 11, 1962 г.
Москва, «Роман-газета», № 1, 1963 г.
Москва, «Советский писатель», 1963 г.
Лондон, Флегон Пресс, 1962 г.
Чикаго, «Рошн Лэнгвич Спешалтиз»
(Брадда Букс), 1965 г. (в сборнике
«Избранное»).
- Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г. (в
сборнике «Сочинения в одном то-
ме»).
- по-эстонски : Таллин, «Газетно-журнальное изда-
тельство», 1963 г.
- по-литовски : Вильна, «Гослитиздат», 1963 г.
- по-английски : Москва, «Совет Литерачур», № 2,
1963 г. (перевод Р. Паркера)
Москва, «Москау Ньюс» (в ряде номе-
ров с продолжением), 1962-1963 г.г.
Нью-Йорк, Даттон, 1963 г. (перевод
Р. Паркера).
Нью-Йорк, Нью Америкэн Лайбрери,
1963 г.
Нью-Йорк, Бэнтам Бук, 1963 г.
Нью-Йорк, Лэнсер, 1963 г. (перевод
Б. фон Бока).
Нью-Йорк, Сигнет, 1963 г. (перевод
Р. Паркера).
Нью-Йорк/Лондон, Прегер/Полл Молл,
1963 г. (перевод М. Хейварда и
Р. Хинтли).
Лондон, Голланз, 1963 г.
Нью-Йорк, Крест, 1964 г.
Лондон, Пенгвин, 1965 г.
- по-голландски : Кейптаун, Г. А. У. М., 1963 г. (перевод
Леона Ван Дер Вестгуйцена).

- по-датски : Копенгаген, Гильдендаль (перевод Е. Фрея).
- по-испански : Барселона, Гердер (перевод Исмаела Антича).
- по-итальянски : Милан, Гарзанти, 1963 г. (перевод Г. Крайского).
- по-корейски : Сеул, Сассаггеса, (перевод Хара-Хваг-сукима).
- по-немецки : Бад-Годесберг, «Ост-Проблеме», №№ 25-26, 1962 г. (выдержки).
Берлин-Грюнвальд, Ф. А. Гербик Ферлаг/Нон-Стоп Бюхерай, 1963 г. (перевод В. Лезера, Т. Фридриха, Ингеборг Ганельти и Е. М. Кунде).
Мюнхен, Древшен Ферлаг, 1963 г. (перевод М. Хейварда и Р. Хингли).
Цюрих, Бухклуб Екс-Либрис (перевод М. Хейварда и Р. Хингли).
- по-португальски : Лисабон, Европа-Америка, 1963 г.
- по-турецки : Истанбул, Атак Китабери.
- по-фински : Хельсинки, Тамми, 1963 г. (перевод Марка Латела).
- по-французски : Париж, Жульярд, 1963 г. (перевод М. Декайло).
- по-шведски : Хельсинки, Седерстром (напечатано в Готенбурге), 1963 г. (перевод Рольфа Бернера).
- по-японски : Токио, Каваде шобо шинша (перевод Огасавару Тойоки).

2. РАКОВЫЙ КОРПУС (повесть в двух частях)

- по-русски : Милан, Мондадори, 1968 г. (первая часть).

Париж, ИМКА Пресс, 1968 г.
Франкфурт/Майн, «Посев», 1968 г.
Франкфурт/Майн, «Грани», № 67, март
1968 год (выдержки).
Буенос Айрес, «Наша Страна», 1969-
1970 г.г. (в ряде номеров с продол-
жением).

- по-английски : Лондон, Бодли Хэд, 1968 г. (перевод
Н. Ветелла и Д. Берга).
Нью-Йорк, Дайл Пресс, 1968 г. (пере-
вод Ребекки Франк).
Нью-Йорк, Фаррар, Страус и Жироу,
1969 г. (перевод Н. Ветелла и Д.
Берга).
Нью-Йорк, Бэнтам Бук, 1969 г. (пере-
вод Н. Ветелла и Д. Берга).
Лондон, «Таймс» — Литературное при-
ложение, 11 апреля 1968 г. (вы-
держки из первой части).
- по-итальянски : Милан, Ил Саггиаторе-Мондадори,
1968 г. (перевод М. Олсуфьевой).
- по-немецки : Нейвид/Берлин, Люхтерханд Ферлаг,
1968 г. (1-2 часть), (перевод К.
Белер-Аураса, А. Жайса, И. Тинс-
мана).
Вена, Молден, 1968 г. (те же перевод-
чики).
- по-словацки : Братислава, «Правда» 7 января 1967 г.
(выдержки из первой части по-
вести).
- по-фински : Хельсинки, Тамми, первая часть 1968;
вторая часть 1969 г. (перевод Эсы
Адриан).
- по-французски : Париж, Жульярд, 1968 г. (перевод под
руководством Г. Ниватта).
Париж, «Ла кэнзен литерэр», 1-15 октя-
бря 1968 г. (выдержки).

по-шведски : Стокгольм, Вальстром и Видstrand, 1969 г. (перевод Евы Томсон Роос).

РОМАН :

В КРУГЕ ПЕРВОМ

- по-русски : Франкфурт/Майн, С. Фишер Ферлаг (1-е издание было напечатано под названием «В первом кругу», 1968 г. Потом напечатано там же под названием «В круге первом»). Нью-Йорк, Харпер и Роу, 1968 г. Лондон, Коллинс, 1968 г. Милан, Мондадори, 1968 г. Париж, ИМКА, 1969 г. Франкфурт/Майн, 1969 г.
- по-английски : Нью-Йорк, Харпер и Роу, 1968 г. (перевод Т. П. Уитни). Лондон, Коллинс, Харвиль, 1968 г. (перевод М. Гойбона).
- по-итальянски : Милан, Мондадори, 1968 г.
- по-немецки : Франкфурт/Майн, С. Фишер Ферлаг, 1968 г. (перевод Е. Малера и Н. Нилсена-Стоккэбий).
- по-фински : Хельсинки, Тамми, 1970 г. (перевод Эсы Адриан).
- по-французски : Париж, Лафонт, 1968 г. (перевод Х. Г. Кубарти). Париж, «Л'Экспресс» (выдержки с 18 августа - 22 сентября 1968 г.).

РАССКАЗЫ :

1. МАТРЕНИН ДВОР

- по-русски : Москва, «Новый мир», № 1, 1963 г. Лондон, Флегон Пресс, 1964 г. (в сборнике «Два рассказа»).

Чикаго, «Рошн Лэнгвич Спешалтиз»
Брадда Букс), 1965 г. (в сборнике
«Избранное»).

Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г.
(в сборнике «Сочинения в одном
томе»).

- по-английски : Лондон, «Энкаунтер», май 1963 г. (перевод Г. Т. Виллета).
Колумбия, Издательство Университета
Южной Каролины, 1963 г. (в сбор-
нике **We never Make Mistakes**),
(перевод П. Блэкстока).
Нью-Йорк, Хольт, Райнгард и Винстон,
1964 г. (в сборнике **Half-Way to
the Moon**), (под редакцией П.
Блейк и М. Хейварда).
Гардеи Сити, Доблдей, 1965 г. (в сбор-
нике под выше указанным назва-
нием).
- по-итальянски : Турин, Инауди, 1963 г. (перевод К.
Койсовой и В. Страда).
- по-норвежски : Осло, Самлегт, (в сборнике **Der Hendte
I Krejetowka**), (перевод О. Рыг-
тио).
- по-португальски : Лисабон, «Аркадия»,
(перевод Ж. Феио).
- по-французски : Париж, Жульярд, 1966 г. (**La Maison
de Matriona**), (перевод Л. и А.
Робель).
- по-чешски : Прага, «Свет Совету», 1963 г. (в сбор-
нике «Ве вищем займу»).
- по-шведски : Хельсинки, Седерстром (напечатано в
Стокгольме), 1963 г. (перевод Кур-
та Йогансона).

2. СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КРЕЧЕТОВКА

- по-русски : Москва, «Новый мир», № 1, 1963 г.
Лондон, Флегон Пресс, 1964 г. (в сборнике «Два рассказа»);
Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г.
(в сборнике «Сочинения в одном томе»);
Чикаго, «Рошн Лэнгвич Спешалтиз»
(Брадда Букс), 1965 г. (в сборнике «Избранное»).
- по-английски : Колумбия, Издательство Университета
Южной Каролины, 1963 г. (в сборнике **We never Make Mistakes**),
(перевод П. Блэкстока).
- по-норвежски : Осло, Самлефт, (в сборнике **Der Hendte I Krejetowka**), (перевод О. Рыттио).
- по-французски : Париж, Жульярд, 1965 г. (в сборнике **La Maison de Matrona**), (перевод Л. и А. Робель).
- по-чешски : Братислава, СВКЛ, 1964 г. (в сборнике «Три повидки»), (перевод З. Есенка и В. Хегерова).
- по-шведски : Хельсинки, Седерстром (напечатано в Стокгольме), 1963 г. (перевод Курта Йогансона).

3. ЗАХАР КАЛИТА

- по-русски : Москва, «Новый Мир», № 1, 1966 г.
Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г.
(в Сборнике «Сочинения в одном томе»).

4. ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА

- по-русски : Москва, «Новый мир» № 7, 1963 г.
Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г.
(в сборнике «Сочинения в одном томе»).

- по-эстонски : Таллин, Газетно-журнальное издательство, 1964 г.
- по-английски : Нью-Йорк/Лондон, Прэгер/Полл Малл, 1964 г. (перевод Д. Флойда и М. Хейварда).
- по-чешски : Братислава, СВКЛ, 1964 г. (в сборнике «Три повидки»), (перевод З. Есенка и В. Хегерова).
Прага, «Свет совету», 1963 г. (в сборнике «Ve višem займу»).

5. ПРАВАЯ КИСТЬ

- по-русски : Франкфурт/Майн, «Грани», № 69, 1968 г.
Нью-Йорк, «Новый журнал», № 93, 1968 г.
Париж, «Вестник русского студенческого христианского движения», № 89-90, 1968 г.
- по-английски : Лондон, «Сандэй Телеграф», 29 декабря 1968 г.
Нью-Йорк, «Атлас», май 1969 г.
Бостон, «Атлантик монтли», май 1969 г.
- по-итальянски : Милан, «Ла Станка мано дестро, Коррьере делла серра», 10 января 1969 г.

6. ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

- по-русски : Франкфурт/Майн, «Посев», февраль 1969 г.
Франкфурт/Майн, «Грани» № 71, 1969 г.
Париж, «Вестник русского студенческого христианского движения», № 91-92, 1969 г.
- по-английски : Нью-Йорк, журнал «Тайм», 21 марта 1969 г.
Лондон, «Обзервер», 6 апреля 1969 г.

ЭТЮДЫ И КРОХОТНЫЕ РАССКАЗЫ :

1. НАЗВАНИЯ ЭТИХ МАЛЕНЬКИХ РАССКАЗОВ :

«Дыхание», «Озеро Сегдень», «Прах поэта», «Утенок», «Отражение в воде», «Город на Неве», «Костер и муравьи», «Приступая ко дню», «Гроза в горах», «Вязовое бревно», «Шарик», «На родине Есенина», «Колхозный рюкзак», «Мы-то не умрем» и «Путешествие вдоль Оки».

по-русски : Франкфурт/Майн, «Грани» № 56, 1964 г.
Франкфурт/Майн, «Посев», 1966 г.
(в сборнике «Сочинения в одном томе»).

по-английски : Нью-Йорк, «Нью-Лидер», 4 рассказа,
18 января 1965 г.
Лондон, «Энкаунтер», март 1965 г.
(перевод Г. Виллета).

по-немецки : Франкфурт/Майн, «Посев», 1965 г. (пе-
ревод Мэри фон Хольбек).
Цюрих, «Нейе Цюрихер Цайтунг»,
4 февраля 1967 г. (перевод М. Гум-
берта).

по-чешски : Прага, «Свет совету», 1963 г. (в сбор-
нике «Ве вишем займу»).

ПЬЕСЫ :

1. СВЕЧА НА ВЕТРУ (свет, который в тебе)

по-русски : Лондон, журнал «Студент» № 11-12,
1968 г.
Франкфурт/Майн, «Грани» № 71, 1969 г.

2. ОЛЕНЬ И ШАЛАШОВКА

по-русски : Франкфурт/Майн, «Грани» № 73, 1969 г.

по-английски : Лондон, Бодли Хэд, 1969 г.
Нью-Йорк, Фаррар, Страус и Жиру,
февраль 1970 г.

СТАТЬИ :

1. НЕ ОБЫЧАЙ ДЕГТЕМ ПЦИ БЕЛИТЬ, НА ТО СМЕТАНА

по-русски : Москва, «Литературная газета», 4 ноя-
бря 1965 г.

2. КАК ЧИТАЮТ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА (обзор писем)

по-русски : Франкфурт/Майн, «Посев», № 5, 1969 г.
Нью-Йорк, «Новый журнал» № 94,
1969 г.

ДОКУМЕНТЫ :

ПИСЬМО IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 16 мая 1967 г.

по-русски : Париж, «Вестник русского студенчес-
кого христианского движения»
№ 2 (84), 1967 г.
Франкфурт/Майн, «Посев», 16 июня
1967 г.
Нью-Йорк, «Новое Русское Слово»,
18 июня 1967 г.
Париж, «Русская мысль», 22 июня
1967 г.
Лондон, Канада, СБОНР, 1967 г.
Франкфурт/Майн, «Грани» № 66, 1967 г.

по-английски : Лондон, «Сандэй Таймс», 4 июня 1967 г.
Нью-Йорк, «Нью-Йорк Таймс», 5 июня
1967 г.
Лондон, «Сервей» № 64, 1967 г.
Вашингтон, «Проблемз оф коммунизм»
№ 5, 1968 г.

- по-французски : Париж, «Монд» 31 мая 1967 г.
- по-немецки : Гамбург, «Ди Вельт», 1 июня 1967 г.
Бад-Годесберг, «Ост-Проблеме» № 12,
16 июня 1967 г.
Мюнхен, «Совет-Штудиен» № 22,
1967 г.
- по-итальянски : Милан, «Тра оторитаризмо э сфрутта-
мента», 1968 г.

Другие письма Александра Солженицына, из которых некоторые включены в эту книгу, также были опубликованы на разных языках и получили международные отклики.

СОДЕРЖАНИЕ

17 ноября 1966 г.	
Обсуждение рукописи А. Солженицына «Раковый корпус» на заседании бюро секции прозы с активом	5
16 мая 1967 г.	
А. Солженицын. Письмо IV Всесоюзному съезду советских писателей	45
Май 1967 г.	
Письмо П. Г. Антокольского секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву о письме А. Солженицына от 16 мая 1967 г.	53
26 мая 1967 г.	
Письмо Г. Владимова в Президиум IV Съезда писателей СССР о письме А. Солженицына от 16 мая 1967 г.	55
12 сентября 1967 г.	
А. Солженицын. Письмо в секретариат правления Союза писателей СССР	61
22 сентября 1967 г.	
Изложение заседания секретариата Союза писателей СССР	63
5 октября 1967 г.	
Выступление гл. редактора газеты «Правда», Зимянина М. В., в Ленинграде, в Доме прессы	92
25 ноября 1967 г.	
Письмо секретариата правления Союза писателей СССР А. Солженицыну	96
1 декабря 1967 г.	
Ответ А. Солженицына секретариату правления Союза писателей СССР	97
7-15 января 1968 г.	
Письмо редактора «Нового мира» А. Т. Твардов-	

	ского секретарю Союза писателей СССР, К. А. Федину	99
25 января 1968 г.	Письмо В. Каверина секретарю Союза писателей СССР, К. А. Федину	108
16 апреля 1968 г.	Письмо А. Солженицына членам Союза писателей СССР	112
21 апреля 1968 г.	Письмо А. Солженицына в редакцию «Литературной газеты»	114
27 июня - 4 июля 1968 г.	Письмо Лидии Чуковской редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому	115
28 июня 1968 г.	Письмо В. Ф. Турчина редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому	130
4 ноября 1969 г.	Изложение заседания Рязанской писательской организации	137
12 ноября 1969 г.	«Литературная газета»: «В Союзе писателей РСФСР»	151
12 ноября 1969 г.	А. Солженицын. Открытое письмо секретариату Союза писателей РСФСР	153
3 декабря 1969 г.	«Литературная газета»: «В секретариате правления Московской писательской организации»	156
9 декабря 1969 г.	Письмо в Союз советских писателей об исключении А. Солженицына из ССП	158
	Библиография произведений А. Солженицына	161

Printed in Belgium by
A. ROSSEELS PRINTING C^o
Vaartstraat 70 — 3000 Louvain
☎ 016 / 360.01 — Belgium
